

КРИСТАЛ САЗЕРЛЕНД

ПОЧТИ ПОЛНЫЙ
СПИСОК
18+
НАИХУДШИХ
КОШМАРОВ

Кристал Сазерленд
Почти полный список
наихудших кошмаров
Серия «Милые ужасы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69331915

Почти полный список наихудших кошмаров:

ISBN 978-5-17-153602-2

Аннотация

С тех пор как бабушку Эстер Солар прокляла сама Смерть, у каждого в семье Солар есть страх, от которого ему суждено умереть. Отец Эстер страдает агорафобией и уже шесть лет не покидает подвал, ее брат-близнец не может находиться в темноте, а мама ужасно боится невезения. Эстер еще не нашла свой страх, поэтому решила бояться... всего. Тесные помещения, большие скопления людей, зеркала – под запретом. Точно так же, как стрижки, пауки, куклы и три десятка других фобий, которые она занесла в свой почти полный список наихудших кошмаров. Однажды в жизни девушки появляется Джона Смоллвуд, бывший одноклассник из начальной школы, и крадет ее телефон, деньги, рулетик фруктовой пастилы и... тот самый список кошмаров! Теперь все вещи Эстер «в плену» у Джоны, но самое странное то, что он сам предлагает ей встретиться вновь. И не просто так

– а чтобы помочь ей разобраться со страхами и снять семейное проклятие...

Содержание

1	6
2	15
3	33
4	48
5	54
6	63
7	86
8	104
9	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Кристал Сазерленд

Почти полный список наихудших кошмаров

Copyright © Krystal Sutherland, 2017.

© Дорохова С., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Посвящается Челси, Шане
и всем, кто когда-либо испытывал страх:
вы смелее, чем думаете*

1

Парень на автобусной остановке

Эстер Солар вот уже как полчаса топталась у входа в Центр реабилитации и ухода Лилак-Хилл, когда стало известно, что проклятие вновь дало о себе знать.

Ее мать, Розмари Солар, позвонила по телефону и объяснила, что больше ни при каких обстоятельствах не сможет забирать свою дочь. Она обнаружила на капоте их семейного автомобиля черную, как ночь, кошку с дьявольски желтыми глазами-щелочками – этого дурного предзнаменования было вполне достаточно, чтобы не позволить ей сесть за руль.

Однако Эстер это известие ничуть не смутило. Спонтанное проявление страхов было не новым явлением в семье Солар, поэтому она отправилась пешком к автобусной остановке, располагавшейся в четырех кварталах от Лилак-Хилл. При ходьбе ее красный плащ развевался на вечернем ветру, отчего привлекал внимание прохожих.

По дороге она размышляла над тем, кому обычно нормальные люди звонят в подобных случаях. Отец до сих пор прятался в подвале, куда добровольно заточил себя шесть лет назад. Юджин отсутствовал (он, как подозревала Эстер, в очередной раз выпал из реальности – такое случалось время от времени). А дедушка утратил навыки мелкой моторики, необходимые для управления транспортом (не говоря уже о потере памяти – он напрочь забыл, что она – его внучка).

Выходит, в трудной ситуации практически некому было выручить Эстер.

Для вечера пятницы на остановке оказалось на удивление

безлюдно. Только один человек сидел на скамейке – высокий чернокожий парень, одетый как персонаж фильма Уэса Андерсона¹: в желто-зеленых вельветовых штанах, замшевой куртке и натянутом на голову берете. Юноша тихонько всхлипывал, поэтому Эстер повела себя так, как полагается вести, когда совершенно незнакомый человек проявляет в твоём присутствии чересчур много эмоций – она не обратила на него внимания. Села рядом с ним на скамейку, достала потрепанный томик «Крестного отца» и постаралась изо всех сил сосредоточиться на чтении.

Мерцающие над головой фонари гудели подобно осиному гнезду. Если бы Эстер не подняла глаза, следующий год ее жизни сложился бы совершенно иначе, однако она принадлежала к семейству Солар, а Солары имели отвратительную привычку совать нос в чужие дела.

Парень трагично шмыгнул носом. Эстер вскинула голову. На его скуле расцветал синяк, казавшийся во флуоресцентном свете темно-фиолетовым, а из пореза на брови сочилась кровь. Узорчатая рубашка – очевидно, из секонд-хенда середины 1970-х годов – была порвана в районе воротника.

Молодой человек снова всхлипнул и покосился на нее.

Обычно Эстер избегала разговоров с людьми, если в этом не было крайней необходимости; иногда она избегала разговоров, даже если эта крайняя необходимость *была*.

¹ Уэс Андерсон – американский кинорежиссер, сценарист, актер и продюсер. Является одним из представителей американского независимого кино.

– Эй, – наконец заговорила она, – с тобой все в порядке?

– Меня, кажется, ограбили, – ответил он.

– Кажется?

– Я не помню, – парень показал ей рану на лбу. – У меня нет телефона и кошелька, поэтому, скорее всего, ограбили.

В это мгновение она узнала его.

– Джона? Джона Смоллвуд?

За эти годы он изменился, хотя у него по-прежнему были те же широко распахнутые глаза, та же сильная челюсть, тот же пристальный взгляд, каким он обладал уже в детстве. А вот растительности стало больше: на лице пробивалась щетина, на голове красовалась густая шапка черных волос, зачесанных вверх в стиле помпадур. По мнению Эстер, он походил на Финна из фильма «Звездные войны: Пробуждение силы», что, на ее взгляд, было очень даже хорошо.

Молодой человек оценивающе посмотрел на нее: своей внешностью она напоминала картины Джексона Поллока благодаря темным веснушкам, усеивавшим лицо, грудь и руки, и гриве персиково-рыжих волос, спускавшихся ниже бедер.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Ты меня не помнишь?

Они дружили всего год, к тому же тогда им было по восемь лет. Но Эстер все равно ощутила легкую грусть, оттого что он, похоже, ее забыл – она-то точно о нем не забывала.

– Мы вместе ходили в начальную школу, – пояснила Эс-

тер. – Я училась с тобой в одном классе, у миссис Прайс. На праздник ты прислал мне валентинку.

В тот день Джона подарил ей пакетик конфет в форме сердечек и самодельную открытку с двумя нарисованными половинками груши и надписью: «*Мы с тобой – идеальная груша*²». Внутри открытки он предлагал встретиться с ним на перемене.

Эстер прождала его, но Джона так и не появился. С тех пор она больше его не видела.

До сегодняшнего дня.

– Ах да, – медленно протянул Джона, судя по выражению лица, наконец узнавший ее. – Мне понравилось, что ты устроила протест против смерти Дамблдора возле книжного магазина неделю спустя после выхода фильма.

Вот что Эстер сама запомнила из того эпизода: она маленькая, семи лет, с ярко-рыжей стрижкой «под горшок» баствует возле местного книжного магазина с табличкой «СПАСИТЕ ВОЛШЕБНИКОВ!» в руках. А после – отрывок из шестичасовых новостей, где журналист, опустившись перед ней на колени, спрашивает: «Ты понимаешь, что книга была издана много лет назад, и ее конец уже нельзя изменить?», – а она молча хлопает глазами, глядя в камеру.

– Какой ужас, что тот инцидент был записан на видео, – сказала она сейчас.

Джона кивком головы указал на ее наряд: кроваво-крас-

² Используется игра слов: «pear» – груша и «pair» – пара (*пер. с англ.*).

ный плащ с капюшоном, завязанный лентой на шее, и плетеную корзину возле ног.

– Ты все такая же странная. Почему на тебе костюм Красной Шапочки?

Вот уже несколько лет Эстер не приходилось отвечать на вопросы о своей склонности носить костюмы. Люди на улице всегда были уверены, что она просто направляется на костюмированную вечеринку – или же возвращается с нее. Учителя, к своей досаде, так и не сумели отыскать в ее нарядах ни одного изъяна, поскольку те не противоречили школьной форме, а одноклассники уже привыкли видеть ее в образах Алисы в Стране чудес, Беллатрисы Лестрейндж или кого-то еще. И вообще, им было все равно, в чем она ходила, до тех пор пока она тайком поставляла им сладости (подробнее об этом будет чуть позже).

– Я была в гостях у бабушки с дедушкой. Мне он показался подходящим, – сказала она. Ее ответ, похоже, удовлетворил Джону, потому что он понимающе кивнул.

– Слушай, у тебя есть с собой деньги?

У Эстер действительно были с собой деньги – они лежали в корзинке Красной Шапочки. Заработанные 55 долларов она планировала отложить в свой фонд «Как можно скорее убраться из этого захолустья», который на сегодняшний день составлял в общей сложности 2235 долларов.

А теперь вернемся к вышеупомянутым сладостям. Дело в том, что во время учебы Эстер в предпоследнем классе в

столовой средней школы Ист-Ривер произошли кардинальные изменения, в результате которых в школьном меню осталась только здоровая еда. Исчезли пицца, куриные наггетсы, картофельные шарики, картофель фри, бутерброды «Неряха Джо» и чипсы начос, отчего учиться в средней школе стало почти невыносимо. Теперь слова «Мишель Обама» проносились со злостью всякий раз, когда в меню добавлялось новое блюдо вроде лука-порея, супа из цветной капусты или пирога с брокколи на пару. Эстер в сложившейся ситуации увидела возможность для многообещающего бизнеса: она приготовила из сухой смеси целую коробку двойных порций шоколадного брауни и на следующий день принесла в школу, где продала каждое пирожное по пять долларов и получила отличную прибыль в пятьдесят. С тех пор она стала своего рода Уолтером Уайтом³ в области вредной еды; в скором времени ее торговая империя разрослась настолько, что покупатели в школе окрестили ее «Браунибергом»⁴.

Недавно она расширила сферу своей деятельности до территории Центра реабилитации и ухода Лилак-Хилл, где самыми аппетитными блюдами в меню были пережаренные хот-доги и пресное картофельное пюре. Одним словом, бизнес процветал.

³ Уолтер Уайт – главный герой американского телесериала «Во все тяжкие», занимающийся производством и продажей наркотиков.

⁴ Отсылка к одному из прозвищ Уолтера Уайта – «Гейзенберг», благодаря которому он стал узнаваемым как наркобарон.

– А что? – медленно проговорила она.

– Мне нужен билет на автобус. Можешь дать мне наличные? А я найду с твоего телефона переведу их тебе со своего банковского счета.

Вся эта затея выглядела чертовски сомнительной, однако Джона был в синяках, крови и слезах, да и ей он до сих пор виделся милым маленьким мальчиком, который когда-то из симпатии нарисовал ей картинку с двумя половинками груши.

Поэтому Эстер согласилась:

– Сколько тебе нужно?

– А сколько у тебя есть? Я возьму всю сумму и столько же переведу.

– У меня есть пятьдесят пять долларов.

– Тогда я возьму пятьдесят пять долларов.

Джона встал и подсел к ней. Он оказался гораздо выше, чем она думала, и худее, словно стебель кукурузы. Она видела, как он открыл на ее телефоне банковское приложение, авторизовавшись, вошел в профиль, ввел реквизиты ее счета, которые она продиктовала, и перевел деньги.

«Перевод средств прошел успешно», – возвестило приложение.

После этого Эстер наклонилась к корзинке, открыла крышку и отдала ему пятьдесят пять долларов, которые заработала сегодня в Лилак-Хилл.

– Спасибо, – поблагодарил Джона, пожав ей руку. – Ты

молодец, Эстер, – потом встал, подмигнул ей и ушел. Опять.

Вот так в конце лета, теплым влажным вечером, Джона Смоллвуд выманил у Эстер пятьдесят пять долларов и примерно за четыре минуты украл:

- бабушкин браслет – прямо с ее запястья;
- айфон;
- рулетик фруктовой пастилы из корзинки, который она припасла на обратную дорогу домой;
- читательский билет (с него он позже потратил 19,99 долларов на возмещение штрафа за испорченный рисунком лобстера экземпляр «Ромео и Джульетты»);
- томик «Крестного отца»;
- почти полный список наихудших кошмаров
- и ее достоинство.

Все это время Эстер прокручивала в голове то неловкое воспоминание о протесте против смерти Дамблдора, поэтому не сразу поняла, что ее обокрали. Только когда через шесть минут и девятнадцать секунд прибыл ее автобус, она воскликнула: «Меня обокрали!» На что водитель ответил ей: «Голодранцев не вожу!» – и захлопнул двери перед ее носом.

(Возможно, Джона украл у нее не все достоинство – водитель автобуса лишил ее тех жалких остатков, которые тот не сумел выскрести из укромных уголков ее души).

Очевидно, что история о том, как Джона Смоллвуд обокрал Эстер Солар, довольно проста. А вот история о том, как она влюбилась в Джону Смоллвуда, немного сложнее.

2

Дом света и призраков

Всего у Эстер ушло три часа тринадцать минут и тридцать семь секунд на дорогу до дома, который располагался на самом отшибе пригорода. Поскольку в свое время город стал расширяться в противоположном направлении от того, что задумывали застройщики, ее жилой район оказался в непроходимой глуши.

В какой-то миг ее долгого пути небо разверзлось, и на город обрушился ливень, так что до крыльца Эстер добралась промокшая, продрогшая и грязная.

Дом Соларов, как обычно, весь сверкал огнями, напоминающая светящийся драгоценный камень на фоне темной улицы. Легкий ветерок гулял между деревьями, росшими во дворе перед домом и образовавшими настоящий лес посреди пригорода. Несколько лет назад некоторые соседи пожаловались на постоянно горящий свет. В ответ на их претензии Розмари Солар высадила на лужайке восемь дубов, которые из саженцев выросли в гигантские деревья и всего за полгода заполнили весь участок. Когда они подросли, она развесила на их ветвях сотни назаров⁵: сине-черно-белые стеклышки отзывались жутким звяканьем при каждом дуновении ветра. По словам Розмари, назары отпугивали зло. Но до сих пор им удавалось отпугивать лишь девчонок-скаутов, свидетелей Иеговы и охотников за сладостями на Хеллоуин.

Юджин сидел на ступеньках, ведущих к ярко освещенно-

⁵ Назар – атрибут традиционной доисламской тюркской апотропической магии, представляющий собой амулет от сглаза и имеющий форму синего глаза.

му крыльцу. При этом выглядел так, будто вернулся из прошлого с концерта «Битлз»: с прической Ринго и манерой одеваться Джона.

Эстер и Юджин были близнецами, во что никто никогда не мог поверить. Его волосы были темными, а ее – светлыми. Он был высоким – она низкой. Он был стройным – она пухленькой. Ее кожу усеивали веснушки – его была чистой.

– Привет, – сказала Эстер.

Юджин поднял голову.

– Я сказал маме, что ты еще жива, но она уже подбирает в интернете подходящие гробы. Твои похороны пройдут в розово-серебристых тонах – так мне, во всяком случае, сообщили.

– Фу. Я же специально просила изысканные похороны в особых цветах: черном и слоновой кости – причем раз сто!

– Она просмотрела слайд-шоу по случаю твоей внезапной смерти, которое делала в прошлом году, и добавила к нему новые фотографии. Оно по-прежнему заканчивается песней «Время твоей жизни»⁶.

– Боже, как банально. Даже не знаю, что ужаснее: умереть в семнадцать лет или иметь самые заурядные похороны на свете.

– Я тебя умоляю! Похороны в розово-серебристых цветах – это не банально, а невероятно пошло. – В глазах Юджина промелькнула неподдельная тревога. – Ты как, в порядке?

⁶ Песня американской панк-рок группы Green Day «Time of your life».

Эстер отжала свои длинные волосы; намокая, они всегда приобретали кроваво-красный оттенок.

– Да. Меня ограбили. Ну, не совсем ограбили – надули. Джона Смоллвуд. Помнишь парня, который в начальной школе на День святого Валентина заставил меня ждать и не пришел?

– Тот, в которого ты была по уши влюблена?

– Он самый. Оказывается, он талантливый карманник. Украл у меня пятьдесят пять долларов и мою фруктовую пастилу.

– Двойной обман. Надеюсь, ты собираешься ему отомстить.

– Само собой, братец.

Юджин встал, обнял ее за плечи, и они вместе вошли в дом: прошли под подковой, прибитой над перемышкой двери, сухими пучками болотной мяты, болтающимися в дверном проеме, и переступили через дорожки соли, оставшиеся с предыдущей ночи.

Дом Соларов походил на старую пещеру в викторианском стиле, где даже свет излучал мутное, тусклое сияние. Внутри он был полностью обшит панелями из темного дерева, устлан красными персидскими коврами, а стены имели бледно-зеленый оттенок гнили. Дом был из тех, где в стенах обычно живут призраки, а обитатели, по мнению соседей, прокляты; в случае с семьей Солар оба варианта являлись правдой.

Если бы внутрь впускали незнакомцев, они бы заметили

следующее:

- Все выключатели в доме удерживались изолянтной во включенном положении. Солары обожали свет, а Юджин – больше всех. Специально для него коридоры украсили гирляндами, а всю свободную поверхность мебели (зачастую и большую часть пола) занимали лампы и свечи.

- В доме остались подпалины после Великого пожара 2013 года, когда выключился свет и Юджин в панике выскочил из своей спальни в коридор, попутно сбив около двух дюжин упомянутых свечей, отчего загорелся гипсокартон.

- Лестницу на второй этаж преграждала груда старой ненужной мебели. Главная причина состояла в том, что Питер Солар как раз завершал ремонт наверху, когда у него впервые случился инсульт, и работы быстро прекратились. Но отчасти еще и потому, что на втором этаже, по мнению Розмари, действительно водились призраки. (Как будто призрак станет блуждать лишь по одной половине дома, позволяя его обитателям спокойненько прохлаждаться внизу и не проявляя никакой *паранормальной активности*. Не смешите меня.)

- На стенах не было ничего, кроме заклеенных изолянтной выключателей и штор, закрывавших окна по ночам. Никаких картин. Никаких плакатов. И уж точно никаких зеркал. *Никогда.*

- Кролики на кухне.

- Злобный петух по имени Фред, который повсюду следо-

вал за Розмари Солар по пятам и был, по ее словам, духом, прибывшим прямиком из литовского фольклора.

В гостиной действительно тихонько играла группа Green Day. Розмари Солар, женщина лет сорока, сидела на диване напротив телевизора и смотрела похоронное слайд-шоу, которое составила несколько лет назад на случай, если кто-то из ее детей внезапно умрет. Каштановые волосы рассыпались по плечам, при каждом ее движении раздавался звон: тонкие хрупкие запястья и пальцы были унизаны серебряными кольцами и талисманами удачи. Монетки, вшитые в одежду – на подоле и рукавах, – пристроченные металлической нитью с внутренней стороны каждого кармана, звякали, словно капли дождя.

Отличительными особенностями своей матери Эстер считала следующее:

- В молодости Розмари была чемпионкой по роллер-дерби⁷ и носила прозвище «Бестия». На всех фотографиях, которые есть у Эстер, ее мать запечатлена на треке в специальной форме. На снимке она выглядит почти как Юджин: те же темные волосы, те же карие глаза, та же бледная кожа, лишенная веснушек, усеивающих тело Эстер. Просто поразительно.

- К восемнадцати годам Розмари уже была однажды заму-

⁷ Роллер-дерби – контактный командный вид спорта на роликовых коньках, квадах. Является преимущественно женским видом спорта, но также приобретает популярность в соревнованиях среди мужских, смешанных и юниорских команд.

жем за мужчиной, который оставил тонкий изогнутый шрам в форме буквы «С» на ее левой брови. Имя мужчины и то, как сложилась его дальнейшая судьба, никогда не упоминались. Эстер нравилось представлять, что вскоре после ухода Розмари его постигла долгая и мучительная смерть: быть может, его сожрали дикие псы или медленно сварили в огромном чане с маслом.

• По профессии Розмари была садоводом, а потому обладала способностью выращивать растения одним лишь прикосновением. Казалось, цветы в ее присутствии расцветали и даже склоняли свои головки, стоило ей пройти мимо. Дубы на лужайке перед домом слушались ее, когда она шепотом уговаривала их расти. В ней всегда ощущалась толика волшебства.

Последнее качество Эстер особенно любила в Розмари. Чувствовала его с самого детства: даже если вера в фей, Санту и письма из Хогвартса прошла, девочка по-прежнему ощущала звонкую вибрацию силы, исходившую от мамы.

В представлении Эстер магия была некими узами. Невидимой серебряной нитью, связывавшей их сердца, несмотря на расстояния. Именно она приводила Розмари по ночам в спальню Эстер, когда той снились кошмары. Именно она заставляла утихнуть головную или зубную боль, успокоить расстроенный живот, как только мама прикладывала ладонь ко лбу.

А потом на них, как обычно, обрушилось проклятие.

У Питера случился инсульт, после чего он закрылся в подвале. С деньгами стало туго. Розмари пристрастилась к азартным играм, и из-за боязни проиграть ее медленно поглотил страх неудачи. Узы, связывавшие мать и дочь, постепенно начали слабеть, угасать и в конце концов порвались. Нет, Эстер не стала любить свою мать меньше, просто магия рассеялась, и Розмари медленно, но верно превратилась в *человека* – окончательно и бесповоротно.

А в мире практически ничего не было хуже людей.

Розмари прыгнула с дивана и притянула Эстер в удушающие объятия, сжимая под мышкой недовольного Фреда. От нее исходил аромат шалфея и можжевельника. Одежда пропиталась запахом полыни и гвоздики. В дыхании угадывались легкие нотки мяты. Все эти травы были призваны уберечь от неудачи. Розмари Солар благоухала как ведьма – впрочем, таковой ее считали многие жители в округе и таковой, возможно, ей самой нравилось себя считать, но Эстер-то знала правду.

– *Я так* волновалась, – сказала Розмари, убирая мокрые волосы с лица дочери. – Где ты была? Почему не отвечала на звонки?

Эстер некоторое время наслаждалась этим прикосновением и проявленным беспокойством, ее даже охватило желание раствориться в маминых объятиях и поддаться утешению Розмари, как это бывало в детстве. Но сейчас банального обезболивающего свойства ее рук было недостаточно,

чтобы компенсировать *очередную* пропажу денег, а потому она отстранилась.

– Если бы ты заехала за мной, как положено, меня, возможно, не ограбили бы *самым жестоким образом* по пути домой, – случай с Джоной едва можно было назвать ограблением, но Розмари необязательно было об этом знать. Порой Эстер нравилось вызывать у нее чувство вины.

– Тебя ограбили?

– *Жестоким образом*. Ты должна была меня забрать.

Лицо Розмари приобрело страдальческий вид.

– Но я увидела *черную кошку*.

Уже не в первый раз Эстер обожгло это необъяснимое явление «к себе – от себя», которое характеризовало их отношения последние несколько лет. «К себе» притягивало ее, вызывало желание прижать к щеке Розмари ладонь и заверить ее, что все будет хорошо. А «от себя» – всевозможные дурные мысли – напротив, отравляли ее нутро, поскольку это было несправедливо. Несправедливо то, кем стала ее мать. Несправедливо, что все Солары обречены жить в нелепом страхе.

– Иди сообщи своему отцу, что ты в безопасности, – наконец произнесла Розмари.

Эстер подошла к кухонному лифту, отыскала лежавшие внутри ручку и блокнот и написала записку: «*Я в безопасности. Пожалуйста, не обращай внимания на все предыдущие сообщения. Скучаю по тебе. С любовью, Эстер*». Потом

свернула листок, положила его в кухонный лифт и покрутила колесо – благодаря этому механизму крохотный подъемник опускался в подвал. Когда-то его применяли для доставки дров в котельную, нынче же использовали только для общення.

– Привет, Эстер, – разнесся по шахте голос Питера Солара минутой спустя. – Рад слышать, что ты не пропала.

– Привет, пап! – крикнула она в ответ. – Что смотришь на этой неделе?

– Сериал «Морк и Минди»⁸. Ни разу не видел его, с тех пор как он вышел. Забавный фильм.

– Здорово.

– Люблю тебя, дорогая.

– И я тебя люблю.

Закрыв дверцу лифта, Эстер отправилась к себе в комнату. Сотни свечей в коридоре отзывались шипением, когда капли воды стекали с ее волос и одежды на пол. Ее спальня напоминала противорадиционные убежища из постапокалиптических фильмов, где герои хранили все предметы искусства Лувра, Рейксмузея и Смитсоновского музея в попытке спасти все возможное от человечества. Большая часть мебели когда-то принадлежала ее бабушке и дедушке: черный металлический каркас кровати, письменный стол из тикового дерева, резной сундук, который дедушка привез от-

⁸ «Морк и Минди» – американский комедийный фантастический сериал (1978–1982 гг.).

куда-то из Азии, персидские ковры, почти полностью устилавшие деревянные полы. Все, что она смогла спасти из их причудливого жилища. В отличие от остальной части дома, его пустой, скудной обстановки, не считая заклеенных выключателей, ламп и свечей, стены ее комнаты украшали картины в рамах, индийские гобелены и книжные полки – красные обои под ними едва виднелись.

А еще костюмы. Костюмы были повсюду. Костюмы, вываливавшиеся из большого платяного шкафа. Костюмы разной стадии готовности, свисавшие с потолка. Костюмы, приколотые к трем винтажным манекенам: огромные кринолины, сверкающие черные платья и болотно-зеленые полоски кожи, настолько мягкой, что на ощупь она напоминала растаявший шоколад. Павлиньи перья, нитки жемчуга и латунные карманные часы, показывавшие разное время. Швейная машинка «Зингер» – ее покойной бабушки, – накрытая лоскутами бархата и шелка, готовыми для выкроек. Дюжина масок, висевших на каждом столбике кровати. Целый комод косметики: баночки с золотыми блестками, бирюзовые тени, пудра для лица цвета белой кости, жидкий латекс и красная помада, яркая до рези в глазах.

Юджин обычно отказывался сюда заходить, поскольку из-за такого обилия вещей комната выглядела темнее, чем была на самом деле. А еще потому что скотч не удерживал выключатели неизменно в рабочем положении, и теоретически какой-нибудь мстительный призрак мог в любое время при

желании выключить свет. (Мстительные призраки особенно беспокоили Юджина. Он часто думал о них. Даже очень часто.)

Эстер поставила корзинку на пол и начала снимать мокрый плащ, когда возле заваленной одеждой вешалки в дальнем углу комнаты заметила духа. Хефциба Хадид, скрытая наполовину грудой шарфов, стояла с широко распахнутыми глазами, словно случайно обнаруженный призрак.

– Боже мой, Хеф! – выдохнула Эстер, прижав руку к груди. – Мы же договаривались. Ты не можешь молча прятаться здесь.

Хефциба с виноватым видом вышла из угла.

За первые три года их дружбы Эстер сделала вывод, что Хефциба – ее воображаемая подруга. По правде говоря, та ни с кем не общалась, да и учителя никогда не вызывали ее, потому что она ни с кем не общалась. Девочка просто крутилась рядом и повсюду следовала за Эстер, которая, впрочем, ничуть не возражала, поскольку никто особо не стремился с ней дружить.

Все во внешности Хефцибы было тонким и длинным: тонкие, длинные волосы, тонкие, длинные руки и ноги. Волосами пепельного цвета и светлыми глазами она походила на Бар Рафаэли⁹.

Не успела Эстер скинуть плащ, как Хефциба заключила ее в грубые объятия – редкое проявление любви с ее стороны, –

⁹ Бар Рафаэли – израильская топ-модель.

а после, вернувшись на свое место в углу, вопросительно посмотрела на нее: «Что случилось?» За десять лет своего знакомства они научились прекрасно общаться без слов. Эстер знала, что Хеф *может* говорить – однажды подслушала ее разговор с родителями. Однако Хефциба поняла это и потом месяц не разговаривала с Эстер. Точнее, *не* не разговаривала. В общем, неважно.

– Меня ограбил Джона Смоллвуд. Помнишь мальчишку из класса миссис Прайс, который обманом заставил меня влюбиться в него, а после исчез?

Хефциба одарила Эстер презрительным взглядом, который та истолковала как «Помню». А потом жестами показала: «Он тебя снова обманул?»

– Да. Выманил у меня пятьдесят пять долларов, украл бабушкин браслет, мой телефон и фруктовую пастилу. – Хефциба пришла в ярость. – Да, знаю, фруктовая пастила – это удар ниже пояса. Я тоже очень зла.

«Но мы же все равно пойдем на вечеринку, да?» – показала Хеф. Как бы здорово они ни общались в детстве, в подростковом возрасте стало ясно: им требуется более сложная система общения, чем мимика. Поэтому родители Хефцибы оплатили им трюим: Хеф, Юджину и Эстер – обучение языку жестов.

Эстер по-прежнему не желала идти на вечеринку. Она с самого начала туда не хотела. Ведь вечеринки – это люди, люди – это глаза, глаза – это испытующие взгляды, впиваю-

щиеся в кожу, будто маленькие осуждающие долгоносики, а осуждение – это прилюдный приступ гипервентиляции, который ведет к *еще большему* осуждению. Однако Хеф скрестила руки на груди и кивком головы указала на входную дверь – этот жест Эстер истолковала как «Это дружеская просьба, и она не обсуждается».

– Ох, ну ладно. Дай мне только собраться.

Хефциба улыбнулась.

«Нам, наверное, нужно взять Юджина с собой», – показала она.

– Точно, если мама уйдет. Нам нельзя оставлять его здесь одного.

Юджин не только не переносил темноту, но и не мог по ночам оставаться дома один. «Когда ты один, они приходят за тобой», – так он всегда говорил.

Поэтому Эстер отправилась за братом.

Комната Юджина представляла собой противоположность ее спальни: голые стены и полное отсутствие мебели, за исключением одинокой кровати, стоявшей в центре комнаты точно под люстрой. Юджин лежал на тонком матрасе и читал в окружении дюжины ламп и втрое большего количества свечей, словно присутствовал на своих похоронах. В некотором смысле так оно и было. Каждый день с приходом ночи, когда солнце садилось, Юджин исчезал, а на его место приходило опустошенное существо: оно тихо передвигалось по дому и впитывало в себя каждую частичку света, отчего

его кожа ярко сияла, разгоняя тьму.

– Юджин, хочешь пойти на вечеринку? – предложила Эстер.

Он оторвался от книги.

– Куда?

– На старый никелевый завод. Там будут костры.

Огонь, по мнению Юджина, был единственным надежным источником света, а потому брат боготворил его больше любого пещерного человека. Он никогда не выходил из дома без фонарика, запасных батареек, зажигалки, спичек, растопки, промасленной тряпки, палочек для огня, лучкового веретена, кремня и нескольких стартеров для розжига. Благодаря бойскаутскому прошлому Юджин с восьмилетнего возраста мог сложить маленький костер из подручных средств. Он отлично бы дополнил любую группу выживших после апокалипсиса, если бы не один досадный факт – Юджин не мог находиться на улице без света в период от сумерек до зари.

Юджин кивнул и закрыл книгу.

– Тогда я иду на вечеринку.

Эстер переделалась в наряд Уэнсдей Аддамс¹⁰, и все трое отправились в путь. Три самых странных в городе подростка: призрак, не умевший говорить, мальчик, ненавидевший темноту, и девочка, одевавшаяся другими людьми, куда бы

¹⁰ Уэнсдей Аддамс – персонаж известной серии комиксов, сериалов, мультсериалов и фильмов «Семейка Аддамс», дочь Гомеса и Мартиши Аддамсов.

она ни шла.

* * *

Через час показался никелевый завод: замок из металла и ржавчины; он ярко, словно разгорающиеся угли, светился изнутри от пылающих костров, на окнах без стекол мерцали тени— подростки, будто мотыльки, танцевали вокруг огней.

– Что ж, добавим странности этому месту, – проговорила Эстер, когда они шли к складу.

Временами на заводе проводили выставки художников и показы авангардного кино, а модные парочки устраивали свадебные фотосессии, но в основном здесь обитали подражатели Бэнкси¹¹ и по выходным напивались старшекласники. Вход на склад преграждал временный забор из сетки, как будто он мог помешать орде безумных подростков попасть на вечеринку в последние выходные летних каникул. Край забора уже был разрезан кусачками и отогнут. Ведь эти дети как лисы, стремящиеся пробраться в курятник, – всегда найдут лазейку.

Из портативных колонок лилась музыка. Смех и разговоры отдавались гулким эхом в просторном помещении склада. В пятнадцати шагах от забора Эстер замерла как вкопанная, врезавшись в силовое поле. Хеф и Юджин прошли впе-

¹¹ Бэнкси – псевдоним английского андерграундного художника стрит-арта, политического активиста и режиссера.

ред еще пять шагов, прежде чем осознали, что ее рядом нет. Они остановились и оглянулись на нее.

– Вы идите вперед, – сказала Эстер. – А я несколько минут постою здесь, подышу воздухом.

Хеф и Юджин обменялись взглядами, но ничего не сказали. Молчание Хефцибы не было чем-то удивительным, поскольку она не говорила, а вот Юджин промолчал, потому что не хотел показаться проклятым лицемером.

– Глотни для храбрости, а после присоединяйся к нам, – наконец сказал он. Потом взял Хеф под руку, и они вместе вошли внутрь.

– Итак, социофобия, – сказала Эстер сама себе, откупорив одну из нескольких теплых бутылок вина, которые стащила из маминой коллекции. – Пора тебя заглушить.

С этими словами девушка сделала три глотка. Послевкусие показалось странным, словно вино перебродило, но ей было все равно: подростки употребляли алкоголь не за его вкусовые качества. Он был эффективным средством сделать тебя круче, веселее и общительнее.

Хуже всего то, что социофобия влияла не только на твой образ мышления, манеру говорить или вести себя рядом с другими людьми. Она влияла на то, как бьется твое сердце. Как ты дышишь. Что ешь. Как спишь. Тревога четырехлапым якорем пронзала твою спину: входила по одному крюку в каждое легкое, в сердце, в позвоночник; его тяжесть прогибала вперед, утаскивала в темные глубины морского дна.

Хорошая новость заключалась в том, что со временем ты к ней привыкал. Привыкал к удушью, к состоянию на грани сердечного приступа, которые преследовали повсюду. Тебе лишь оставалось схватить один из крюков, торчащих из грудины, легонько его встряхнуть и сказать: «Послушай, гадина, мы не умрем. У нас еще есть тут дела».

Эстер так и попыталась сделать. Она несколько раз глубоко вздохнула, попробовала расширить легкие вопреки сокрушительно сжимавшейся грудной клетке, но это не особо помогло: социофобия – та еще стерва. Поэтому Эстер выпила еще вина и стала ждать, пока алкоголь вступит в схватку с ее демонами, ведь она – совершенно здоровая и вменяемая семнадцатилетняя девушка.

3

Парень у костра

Эстер расхаживала из стороны в сторону перед входом на склад: балансировала на ржавой балке, упавшей с крыши, и время от времени поглядывала на длинные тени, отбрасываемые мерцающим светом костра на бетон. Она думала пойти на вечеринку. Возможно, даже *хотела* этого. Девочка спрыгнула с балки, отогнула сетку в заборе и замерла, уговаривая себя ступить внутрь. *Найди Юджина. Найди Хефцибу. Все хорошо. С тобой все будет в порядке.*

Но в это мгновение группа пьяных малолеток высыпала на улицу и направилась к ней. Эстер отпустила сетку и быстро, как испуганный енот, нырнула в темноту. Она не смогла бы дать внятный ответ на вопрос, почему болтается здесь, поскольку не знала его сама. Как объяснить незнакомцам, что их окружает силовое поле – гудящий невидимый барьер, – который отталкивает ее?

Поэтому Эстер взобралась по огороженной лентой, прогнившей лестнице на второй этаж склада, прошла по извилистым коридорам и расчистила себе место на полу, чтобы сесть. Надолго приникла к горлышку бутылки с вином, а после огляделась по сторонам, когда глаза привыкли к слабому освещению. Отблески костра пробивались сквозь щели в полу. Юджин не смог бы долго продержаться в этом помещении: тусклый свет постоянно подрагивал, к тому же здесь кто-то уже побывал – скорее всего, подростки, – и забрызгал все стены красной краской, похожей на кровь. Слова «УБИРАЙСЯ УБИРАЙСЯ УБИРАЙСЯ», написанные паль-

цами, повторялись снова и снова. У Юджина случилась бы паническая атака или самовозгорание.

Однако Эстер была чуточку смелее и, возможно, даже немного пьяна. Она лежала на животе рядом с большой щелью, откуда была видна вечеринка, рисовала узоры в пыли и, продолжая пить, смотрела, как вереница черных жучков ползет по ее предплечью и спускается к кончикам пальцев. Она была не прочь оставаться на задворках, следить за происходящим с высоты. Юджин стоял у огня и, как и она, пил вино из украденной у Розмари бутылки. Эстер некоторое время наблюдала за братом, пытаясь понять, как ему удалось вписаться в эту странную социальную головоломку, никак не укладывавшуюся у нее в голове.

Юджин пользовался непринужденной, загадочной популярностью, которая сбивала его с толку не меньше, чем Эстер. Ему полагалось быть главной мишенью каких-нибудь отмороzków: он был худым, женоподобным, одевался экстравагантно, всерьез увлекался демонологией, религией и философией. Он был умным, спокойным, задумчивым и кротким, но прежде всего его звали Юджин. Средняя школа должна была стать для него ожившим кошмаром, но этого не произошло.

Дейзи Эйзен отчаянно пыталась с ним флиртовать, совершенно не замечая, что его взгляд, скользя мимо нее, то и дело останавливался на статном чернокожем парне, который что-то рассказывал группе ребят по другую сторону костра.

Эстер принялась следить за его энергичными движениями: как он взобрался на наковальню, чтобы его могли лучше видеть, как держал в каждой руке по стакану и отпивал из них, пока рассказывал свою безумную историю. Этот парень двигался как персонаж театра теней, словно актер на сцене прошлого столетия. Понятно, почему Юджин был так им очарован.

А потом он обернулся.

И уже второй раз за день Эстер узнала его.

В теплом свечении костра стоял Джона Смоллвуд. Даже со своего места она видела: синяк, наливавшийся днем на его щеке, исчез, а порез на брови затянулся. Значит, он был либо а) шотландским горцем, либо б) неплохим гримером, но и то и другое казалось ей маловероятным.

Обычно Эстер не была склонна к вспышкам агрессии, однако сейчас ею на долю секунды овладело желание разбить бутылку вина о стену и выпустить Джоне кишки. Когда она вспомнила, что кровь занимает сороковую строчку почти полного списка, поперхнулась и решила ему просто врезать. Оставив бутылку наверху, она сбежала по лестнице, пролезла сквозь дыру в сетчатом заборе и направилась напрямик к костру; ярость на время вытеснила якорь тревоги из ее груди и придала необычайную смелость.

Джона не сразу ее узнал, поскольку она была в костюме Уэнсдэй Аддамс – именно такую реакцию она ждала на свои костюмы. Замешательство. Дезориентация. Это была маски-

ровка от хищников.

Когда она находилась уже в трех шагах от него, в его мозгу что-то щелкнуло. Сопоставив ее лицо с воспоминанием «девушка, которую я ограбил на автобусной остановке и бросил умирать», Джона выкрикнул: «Вот черт!» Пospешно свалился с наковальни и, отбросив один из стаканов, бросился бежать, но было слишком поздно. Эстер была уже рядом. Она схватила его за грудки и замахнулась. Ей никогда раньше не доводилось кого-то бить по-настоящему, с намерением причинить реальную боль. Ее кулак просвистел в двух дюймах к северу от намеченной цели (левый глаз), мягко скользнул по левой стороне лба, после чего легким ветерком пролетел над волосами.

– Ты меня ударила! – воскликнул Джона, совершенно ошарашенный таким поворотом событий. – По волосам.

– Ты украл у меня деньги! И мою *настилу*!

– Было очень вкусно, – он с таким смаком произнес каждый слог, что у Эстер задергался глаз, как у мультяшного злодея.

И в этот самый миг зазвучали сирены.

– Вот черт! Бежим!

Несмотря на то, что еще недавно Эстер весьма неудачно съездила ему по левой стороне головы, Джона, выбросив второй стакан, схватил ее за руку и потащил за собой вглубь склада. В первую очередь Эстер подумала о Юджине, который не мог убежать, не мог покинуть свет костра.

Но крики копов уже догоняли их, лучи фонариков прыгали по стенам. Послышался лай полицейских собак, за ним – радостные визги подростков, которые знали очистительный завод как свои пять пальцев: все его закутки, секретные места, скрытые щели, извилистые проходы и достаточно большие дыры в проржавевших котлах, куда можно было пролезть и спрятаться. Они знали, что смогут быстро убежать, а потому громко улюлюкали и смеялись. Внезапно наступила тишина, как если бы завод разом их проглотил, одного за другим. Остались лишь Эстер и Джона – и их тяжелое, но тихое дыхание. Ребята понимали: несмотря на бегство, их заметили, а потому им вряд ли удастся скрыться.

Во вторую очередь Эстер подумала о том, что ей вообще не следовало бежать. Надо было остановиться и подождать, пока копы признают в Джоне Смоллвуде мелкого преступника, несколько часов назад укравшего у нее пятьдесят пять долларов и столь желанную фруктовую пастилу. Но она этого не сделала. Эстер все время бежала и бежала, а Джона не отпускал ее. Вскоре они выбрались наружу и, нырнув в ближайшую рощицу, стали пробираться сквозь кусты, но вдруг споткнулись. Она упала на него сверху; ее правое колено оказалось между его ног, а грудь прижалась к его груди, при этом ее ладонь осталась в его руке.

Луч фонарика мелькнул над ее головой. Собака зарычала. Джона ухватил ее за распятие (важную деталь любого костюма Уэнсдэй Аддамс) и притянул к себе, так что ее нос

уткнулся в его шею, и ей не оставалось ничего другого, как раз за разом вдыхать его запах. Не аромат шампуня, стирального порошка или парфюма (или – будем честными, он же все-таки подросток – дешевого дезодоранта «Акс»), а именно *его самого*. Подобный запах ощущаешь, когдаходишь в спальню человека или садишься в его машину; он не плохой и не хороший – он просто принадлежит *ему*. Это его сущность. Обычно на знакомство с человеком уходят годы, прежде чем ты узнаешь его истинный запах. Требуется отделить аромат духов от пота, шампуня и порошка. Однако он раскрылся перед ней уже сейчас.

Копы приближались. Джона прижал палец к ее губам, теснее привлек к себе словно в попытке сделать их тела меньше, чем они были на самом деле. Но это оказалось непросто: он был длинным, а она широкой, и ее кровь пульсировала в венах столь оживленно и шумно, что наверняка походила на маяк в темноте. Пока она вдыхала его аромат, с ней начало происходить нечто любопытное: застрявший внутри якорь слегка ослабил хватку, позволив ее легким раскрыться. Когда страдаешь тревожным расстройством, у тебя особо нет возможности сделать глубокий вдох. Твоя грудная клетка слишком узка, чтобы съезжившиеся легкие могли расправиться шире половины своего размера.

И тем не менее в течение нескольких секунд спокойствия в темноте Эстер не переживала из-за велоцирапторов, пум или беспричинного вторжения пришельцев – всего того, что

неизменно беспокоило ее перед сном. Она даже не сильно волновалась по поводу ареста, потому что Джона не выглядел встревоженным.

А после им в лица ударил луч фонаря: ее нос по-прежнему упирался в шею Джоны, а его палец прижимался к ее губам.

Рот Джоны растянулся в потрясающей улыбке.

– Добрый вечер, офицер, – приветливо сказал он, как будто полицейские не застали его только что в неловком положении. – Какие-то проблемы?

– Вы нарушили частную собственность, – сообщил коп, представлявший собой не более чем глубокий голос и блуждающий в темноте яркий луч.

– Правда? А мы всего-навсего хотели понаблюдать за ночными птицами. Говорят, неподалеку видели редкую сипуху... Эй, ай, эй, ладно, мужик, ладно, господи! – завопил Джона, когда коп выволок его за шиворот из-под тела Эстер. Появились еще несколько полицейских; дородная дама (наверное, бывший боец смешанных единоборств) тоже подняла Эстер на ноги и повела к мигающим огням у входа на склад.

Юджин, как выяснилось, даже не пытался убежать от полиции, поэтому никто не обращал на него внимания. Он стоял возле одной из патрульных машин, утопавших в красно-синих огнях, сунув руки в карманы, словно ждал встречи у «Старбакса», а не своего ареста.

«Прячься», – велела ему Эстер одними губами. Юджин

огляделся по сторонам, пожал плечами и вернулся к костру, где собирался оставаться до рассвета, не в силах покинуть светящийся круг раньше восхода солнца. Порой, когда свет падал под определенным углом, тело брата казалось ей прозрачным. Знаете, как причудливые воспоминания из детства, не поддающиеся объяснению, полузабытые сны о чем-то невозможном? Книга, слетевшая с полки сама по себе; вдох, сделанный под водой; черный сгусток тени в конце коридора – с зубами, когтями и ослепительно-белыми глазами. У Эстер все они касались Юджина. В детстве он, сильно расстроившись или испугавшись чего-то, начинал мерцать. Словно лишь проецировался в реальность, но на самом деле не являлся ее частью и мог в любое время выпасть из нее.

Мальчик, сотканный из светлячков.

В то время, когда Ронда Раузи¹² толчком в голову усадила ее, будто преступницу, в полицейскую машину, Эстер увидела, как ее брат на мгновение растворился в воздухе. А после на заднее сиденье рядом с ней затолкали Джону. Таким образом Джона Смоллвуд в тот же день, когда ограбил ее, составил Эстер Солар компанию в ее первом аресте.

Впрочем, позже выяснилось, что они были не совсем под арестом, о чем следовало догадаться по тому, что им не надели наручники и не зачитали права. Полицейские отвезли их обратно в город, сопровождали в участок и заперли в от-

¹² Ронда Раузи – американская актриса и реслер, в прошлом боец ММА, дзюдоистка. В настоящее время имеет контракт с WWE.

дельных камерах, которые они называли «обезьянником». В камере Джоны было пусто, а вместе с Эстер сидела очень худая женщина в красном парике, ковырявшая ранки на руке. Она представилась пресвятой девой Марией.

Эстер пыталась объяснить Ронде, что произошла большая несправедливость: Джону следует обвинить в краже, а ее освободить, – но женщина, пропустив ее слова мимо ушей, только сказала:

– Один телефонный звонок.

У Эстер не было телефона (само собой), и она не помнила номера никого из родственников, кроме бабушки— только это бы не помогло. Поэтому она позвонила Хефцибе.

Эстер: «Хефциба, меня задержала полиция. Передай моей маме, что нужно внести за меня залог».

Хефциба: (молчание)

Эстер: «Я так понимаю, раз ты ответила на звонок, тебе удалось сбежать, когда нагрянули копы».

Хефциба: (молчание)

Эстер: «Знаю, что мама проторчит в казино до рассвета, но ты должна ей сказать, где я, ладно?»

Хефциба: (молчание)

Эстер: «А еще я оставила Юджина на заводе одного. Можешь его спасти?»

Хефциба: (молчание)

Эстер: «Теперь я снова стану закоренелой преступницей».

Хефциба: (молчание)

Эстер: «Что ж, отлично поговорили».

Женщина-полицейский проводила Эстер обратно в камеру. На этот раз она легла на пол лицом вниз, чтобы не пришлось общаться с Джоной, который сидел со скрещенными ногами в дальнем углу своей камеры и наблюдал за ней.

– Я бы на твоём месте не лежал на полу, – сказал Джона.

На что она ответила:

– А жить мне можно?

Он продолжил:

– Подумай о том, сколько на этом полу было мочи, рвоты и крови. Сама знаешь, копам платят не так много, чтобы они тут еще и убирались.

– Вообще-то он прав, – прохрипела дева Мария. – Я только на прошлой неделе здесь нассала.

– И правда воняет мочой. – Эстер села, копируя позу Джоны, – прислонилась спиной к прутьям решетки.

После этого парня вывели из камеры: настал его черед делать звонок, который, судя по количеству криков и ругательств, прошел не так гладко, как у нее.

– Знаешь, я все думал о тебе, с тех пор как сегодня днем тебя ограбил, – сказал Джона, вернувшись в камеру. Полицейский за ближайшим к ним столом вскинул брови и посмотрел на него поверх очков. – Это метафора для... э-э-э... секса, – быстро пояснил Джона. Коп прищурился, но вернулся к своему телефону.

– О том, как получить прощение за свое чудовищное пре-

ступление? – спросила Эстер.

– Нет, о твоей странной семье – ты еще делала о ней презентацию в начальной школе.

– А-а-а, – Эстер специально перевелась в среднюю школу Ист-Ривер, поскольку никто из учеников ее третьего класса (кроме Хефцибы) туда не пошел, а значит, никто не помнил ее доклад о проклятии семьи Солар.

– Напомни, в чем там заключается их странность? Непереносимость лактозы или что-то такое?

– В точку. Они не переносят молоко.

– Нет, не то. Фобии, верно? У каждого из них свой собственный сильный страх. Боязнь пауков, высоты и все такое. Проклятие самой Смерти. То, чего ты боишься, однажды тебя убьет.

– Как ты все это запомнил?

– Когда мне было восемь, я обращал на тебя много внимания. *Очень много.*

Эстер покраснела, а после напомнила Джоне два правила этого проклятия:

- Проклятие могло обрушиться на Соларов в любое время без всякого предупреждения, как болезнь, дремлющая в крови и поджидающая подходящего момента для удара. Реджинальд, ее дедушка, не боялся воды до тридцати лет, пока Смерть не поведал ему, что однажды он утонет. А у Юджина, напротив, страх темноты развился еще в детстве.

- То, чего ты боишься, завладеет твоей жизнью и в конце

концов убьет тебя.

– А что насчет тебя? – поинтересовался Джона. – Чего ты боишься?

– Ничего.

– Ты не можешь быть особенной и подводить остальных членов своей проклятой семьи. Хочешь опозорить свой род?

– Не смешно.

– Да, я помню тот доклад. Твой двоюродный брат боится пчел. Дядя – микробов. Дедушка – воды. Папа был ветеринаром и еще не осознал свой страх.

– Сейчас он его знает. У него агорафобия¹³. Он уже шесть лет не выходит из подвала.

– Ну вот, теперь твой черед. Ты должна чего-то бояться.

– Я не знаю.

– Уверен, у тебя есть страх. Нужно только его найти.

– Очень воодушевляюще.

– Спасибо.

Все остальное время они молчали, пока отец Джоны, Холланд, не приехал внести за сына залог (точнее забрать его, потому что официально он не был арестован). Джона выглядел бы в точности как Холланд, если бы был больше и тучнее. Большие тучные плечи, большой тучный живот, большие тучные волосы.

– Привет, пап. Мы можем подвезти Эстер домой? – спросил Джона, когда бюджетная версия Ронды Раузи выпусти-

¹³ Агорафобия – боязнь открытого пространства.

ла его из камеры. Холланд смерил Эстер своими злобными глазками и развернулся к выходу – по всей видимости, это означало «да», потому что Джона сказал ей: – Идем.

Машина Холланда представляла собой «универсал» 1980-х годов тыквенного цвета. Кожаная рыже-коричневая обивка сидений сильно потрескалась, настолько, что оставила на ногах Эстер царапины. Но она ничего об этом не сказала – только продиктовала свой домашний адрес.

Когда машина затормозила перед старым викторианским особняком, Джона воскликнул:

– Бог ты мой!

Ее дом, как обычно, излучал яркое сияние, отчего дубы отбрасывали длинные тени на другую сторону улицы. Назары перешептывались на ветру, напевая свою тихую зловещую песенку о том, что любого, кто пожелает Соларам зла и осмелится подойти слишком близко, настигнет ужасная кара. Эстер выскочила из машины, не успев та остановиться. Вот почему она никогда не приглашала домой своих школьных товарищей.

– Эстер, подожди! – окликнул ее Джона. Девочка не стала ждать, но он оказался быстрее и догнал ее между деревьями. – Эй, у меня для тебя кое-что есть. Браслет я уже продал, денег тоже не осталось, но могу отдать тебе вот это, – он сунул руку в карман и протянул Эстер ее телефон.

– Ну надо же, спасибо.

– Прости, что обокрал тебя.

– Да, конечно.

– Еще увидимся, Эстер.

– Ни за что.

Джона послал ей воздушный поцелуй и вернулся обратно к дороге; отцовский автомобиль, тронувшись с места, покатил прочь.

Эстер разблокировала телефон. Внутри было пусто. Все ее фотографии, контакты и приложения исчезли. Мобильник полностью почистили и сбросили до заводских настроек – одним словом, подготовили к продаже на черном рынке. В списке фигурировал только один контакт: «*Джона Смоллвуд*»; рядом с его именем красовалось красное сердечко, а внизу был записан номер. Ее палец завис над кнопкой «Удалить». Нельзя хранить телефонные номера негодяев, которые грабят тебя и оставляют на автобусной остановке или в восемь лет бросают одну в День святого Валентина, даже если выглядят как Финн из «Звездных войн», одеваются как Бесподобный мистер Фокс и пахнут как опьяняющий парфюм.

Эстер не до конца понимала, почему сохранила его номер. Наверное, это было связано с убежденностью, что она больше никогда не увидит Джону Смоллвуда.

Однако спустя всего шестнадцать часов и семь минут ее предположение оказалось в корне неверным.

Гирлянды и серийные убийцы

В доме, как она и предполагала, оказалось светло, но пустынно. Эстер прошла на кухню и осмотрела ящики в поисках книжечки, куда Розмари на экстренный случай записала все их номера. Вокруг ее ног в надежде на еду скакали кролики – маленькие, серые, надоедливые существа. Кролики, как и все, что Розмари притаскивала домой: ромашковый чай, которым она мыла руки перед игрой в игровые автоматы; листья шалфея, которые она носила в кошельке; монетки, которые она пришивала к одежде; подкова и этот чертов злобный дух-петух, – должны были приносить удачу. Многие для этих целей носили с собой кроличью лапку, но ее мать расценила иначе: зачем покупать одну лапку, если можно купить целого кролика и получить в четыре раза больше удачи, не пролив ни капли крови?

Эстер набрала номер Розмари, но та не взяла трубку. Потом проверила все комнаты на первом этаже – ее матери нигде не было. Розмари считала их дом населенным призраками, однако на самом деле единственными призраками в этих стенах были ее родители. (Впрочем, это не означало, что Эстер станет осматривать комнаты наверху – обычно так начинаются все фильмы ужасов.) Она позвонила Юджину и Хеф, но у обоих звонки сразу переключались на голосовую почту.

Следующий поступок Эстер стал доказательством того, как сильно она любит своего тупого братца. Она отыскала в гараже давно забытый велосипед, накачала колеса, обвесила его полдюжиной велосипедных фар, которые откопала

в комнате Юджина, и обмотала свою грудь и туловище гирляндой – на всякий случай. Вы хоть раз видели фильм ужасов, где убивают человека, обвитого бешено мигающей гирляндой? Конечно же нет. Никто не хочет убивать странных людей. Иначе копы станут задавать слишком много вопросов. К тому же трудно забыть Уэнсдэй Аддамс, наряженную в гирлянду. Убийцы обычно ищут бродяг и проституток – людей второго плана, которых никто не вспомнит и по которым никто не будет скучать.

Ее же точно никто не забудет.

Близилось раннее утро, на улице было еще темно и тихо. Эстер медленно проехала мимо супермаркета «Севен-элевен» – единственного работающего в это время заведения, а значит, ее последнего известного местонахождения, если кто-то все же решит ее убить. Она думала об этом слишком часто. А вдруг Джона Смоллвуд будет последним, кто видел ее живой (кроме ее убийцы, разумеется)? Что тогда полиция будет делать с зернистой видеозаписью с камер наблюдения супермаркета, где видно, как она проезжает мимо с обмотанной вокруг груди гирляндой? Просто решат, что она съехала с катушек и потом слетела где-нибудь с обрыва? Скорее всего. В итоге ее изуродованный труп обнаружат лишь через несколько месяцев, а то и лет.

– Соберись, Эстер, – пробормотала она.

Яркие огни магазина остались позади, и она покатила по мрачным, темным закоулкам. Вскоре улицы и вовсе закон-

чились, и ей пришлось ехать через промышленную часть города, куда забирались лишь серийные убийцы да пьяные подростки.

– Иду к черту, Юджин, – бубнила Эстер, качая головой и как можно быстрее крутя педали; ее сердце громко ухало в груди. – Иди к черту, Юджин. Я серьезно, Юджин, иди к черту.

Когда она наконец добралась до завода, свет внутри уже не горел. Больше не было ни ярко пылающих костров, ни вопящих подростков, ни длинных теней, танцующих в окнах. Эстер оставила свой велосипед и пролезла через дыру в заборе, мигающие огни вокруг ее тела прорезали непроглядную тьму. Две фигурки ютились возле того, что осталось от костра, который сейчас представлял собой лишь яму с тлеющими углями. Хефциба обнимала Юджина за плечи и что-то шептала ему на ухо, возможно, даже напевала, пытаясь успокоить его, пока огонь угасал. Юджин сформировал вокруг них своего рода оградительный круг из фонариков, чьи лучи смотрели внутрь – это был островок яркого света среди теней. Если кто из посторонних наткнулся бы на них, то, скорее всего, принял бы за духов: мертвенно-бледная девушка с пепельными волосами и в пепельном платье тихонько напевает о любви и смерти, а молодой человек в наряде из увядшего воспоминания подрагивает в призрачном сиянии.

В детстве Юджин несколько раз пробовал проходить лечение, когда у семьи еще были средства на подобные проце-

дуры, – до того, как Розмари начала спускать все свободные деньги на игровые автоматы. Однако та горячность, с какой он верил в свои иллюзии: их логичность, тщательность деталей, с какой описывались чудовища, обитающие в темноте, – словно передавалась каждому психотерапевту, с которым он общался. Его рассказы наводняли их сознание полузабытыми ужасами, когда-то увиденными или услышанными в детстве: теми, в нереальности которых они убеждали себя всю жизнь; теми, которые большинство людей благополучно переставали замечать после того, как достигали определенного возраста. Но вот появился мальчишка не старше одиннадцати, двенадцати, тринадцати лет, который почти убедил их, что эти невозможные воспоминания – правда.

С тех пор после сеансов с Юджином Соларом больше никто не мог спать в темноте.

Хефциба заметила Эстер, топтавшуюся у входа на склад, и с радостной улыбкой помахала ей, однако говорить или петь в ее присутствии прекратила. Раньше Эстер часто расстраивалась, что Хеф шепчется с Юджином, а не с ней. Что он, в отличие от нее, знает, как звучит ее голос *по-настоящему*. И только через пару лет Эстер выяснила, что Хефциба влюблена в него. Та магия, которая когда-то ярко пылала в их матери, продолжила жить в Юджине, и его чары сделали с ней то, чего не сумел ни один психотерапевт: заставили ее снова говорить.

– Спасибо, что вернулась за ним, малышка, – поблагода-

рила она Хеф.

«Не за что», – жестами ответила та.

Эстер села по другую сторону от Юджина и тоже обняла его рукой, так что он оказался надежно зажат между ними, а следовательно, демоны должны были сожрать их первыми. Так они сидели, тесно прижавшись друг к другу, до самого рассвета: Хеф и Эстер держались за руки за спиной Юджина, а пальцы Юджина крепко сжимали стебель тысячелистника из сада Розмари в тщетной попытке набраться смелости от сильного пряного аромата дявольской крапивы. Когда небо наконец посветлело, он встал, вышел под серые солнечные лучи и принялся вдыхать их, словно не в силах напиться. Он злился на себя, чувствовал опустошение и, прежде всего, неизменное потрясение, что сумел пережить еще одну долгую ночь в темноте.

– Идем, мой чудоковатый красавчик, – сказала Эстер, поднявшись на цыпочки, чтобы положить подбородок на плечо брата. Пусть они и выглядели по-разному, чувствовали по-разному, расходились во взглядах по многим вопросам, но она никогда не считала Юджина никем иным, кроме как половинкой своей души, – давай отведем тебя домой.

5

**Смерть и лобстеры
размером с лошадь**

Когда близнецы в конце концов вернулись домой, Розмари не спрашивала у них, где они провели всю ночь, — потому что самой Розмари не было дома. Их отец Питер, слышав шаги, окликнул детей снизу, но они ему не ответили. Чуть позже Эстер спустила ему записку в кухонном лифте. Многим детям изрядно досталось бы за то, что они игнорируют родителей, но Питер в ближайшем будущем не собирался выходить из подвала, дабы их наказать.

Несколько лет назад Юджин предпринял целую серию попыток выкурить Питера из его берлоги, а для этого всю неделю:

- включал пожарную сигнализацию и делал вид, будто задыхается от дыма наверху лестницы в подвал;
- жарил несколько дюжин полосок бекона и оставлял тарелку наверху лестницы в подвал;
- сбрасывал бомбы-вонючки с лестницы в подвал.

Увы, Голлум по-прежнему оставался в своей пещере, и дети Соларов больше не боялись наказания со стороны обоих родителей.

Вот что они потеряли в лице Питера Солара: мужчину, который обожал пешеходные прогулки, поэзию и водил своих детей в зоопарк, где в подробностях объяснял им каждый проводимый комплекс мер по охране природы. Мужчину, который брал их на гаражные распродажи, покупал бинокль и отправлялся с ними в недельные экспедиции по наблюдению за птицами. Мужчину, который научил их играть

в шахматы, читал им на ночь, сидел у их кроватей и гладил по волосам, когда они болели.

Питера Солара. Своего отца. Вот кого они потеряли.

Юджин вынес одеяло на задний двор и устроился на солнышке, скромно пробивавшемся сквозь кроны дубов; сон его был прерывистым. По словам брата, преследующие его во снах существа ненавидели солнечный свет, а потому *если* он и засыпал – что бывало нечасто, – то обычно под лучами солнца. Эстер дремала в своей постели, периодически проваливаясь в вязкий, тяжелый туман, наползавший во время дневного сна, – в такой момент начинает казаться, что Джона Смоллвуд (красное сердечко) прислал тебе сообщение с вопросом, что такое наваррофобия.

ДЖОНА СМОЛЛВУД ♥:

Что такое наваррофобия?

Эстер резко села в кровати. Джона Смоллвуд прочитал – точнее, читает сейчас – ее почти полный список наихудших кошмаров.

Прежде чем ответить ему, она вошла в список контактов и удалила дурацкое сердечко рядом с его именем.

ЭСТЕР:

Боязнь кукурузных полей. Верни мне мой список **немедленно** и больше не смей в него заглядывать!

ДЖОНА:

Ты и правда боишься всех этих вещей? Некоторые из них довольно глупые. Кто вообще боится мотыльков?

ЭСТЕР:

НЕ СМЕЙ. ЗАГЛЯДЫВАТЬ. В НЕГО.

ДЖОНА:

Ладно, ладно. Занесу его тебе сегодня вечером.

ЭСТЕР:

Положи его в почтовый ящик, удали мой номер телефона, а потом пусть тебя похитят инопланетяне и больше никогда не возвращают на эту планету.

ДЖОНА:

Я заглянул. Не смог удержаться.

В ответ Эстер отправила ему пять строчек сердитых смайликов, а после легла спать.

* * *

Розмари разбудила их днем и повезла в Лилак-Хилл навестить дедушку, Реджинальда Солара. Здание центра выгля-

дело так, будто некогда было тюрьмой, а теперь здесь пахло сыром – едва ощутимо и смертью – очень сильно. Если бы у Тима Бертона и Уэса Андерсона родился внебрачный ребенок и этот ребенок, повзрослев, стал архитектором/дизайнером интерьерера, который специализируется исключительно на строительстве/украшении унылых домов престарелых, то Центр реабилитации и ухода Лилак-Хилл стал бы его шедевром. Блестящие полы оливкового цвета, оранжевые кресла с обивкой из кожзама и обои с узором из крошечных лобстеров, и это несмотря на то что: а) город располагался в часе езды от побережья, и б) большинство пациентов не могли победить в одиночном бою даже лобстера.

Однако раньше Реджинальд Солар, будучи еще в полном расцвете сил, мог отмерить лобстера размером с лошадь – так было до того, как слабоумие настигло его во сне. (По его заверениям, если бы он не спал, оно бы никогда не вонзило в него свои когти.)

Пока они шли по ярко освещенным коридорам в сторону палаты Реджа, Юджин бесшумно передвигался от одного окна к другому на случай, если внезапно отключится электричество. В руке он, как это всегда бывало в ненадежных зданиях (а именно в зданиях, где выключатели не удерживались изоляцией в рабочем положении, где не было генератора и запасного генератора), держал фонарик – тот самый черно-желтый промышленный фонарик, который Питер брал с собой на вызовы, когда еще выходил из дома.

Весь коридор заполнили высохшие скорлупки в форме людей – они сидели, сгорбившись, в своих креслах-каталках, какие-то взлохмаченные и расплывчатые, словно пауки уже начали плести паутины в их волосах.

– Я могла бы править этим местом даже с маленькой армией лобстеров, – пробормотала Эстер себе под нос. – Тридцать, сорок лобстеров максимум – и я королева. – Чем дольше она думала об этих животных – их глазках-бусинках, многочисленных лапках, о том, как они ползают и как больно ранят клешнями, – тем более неудобно ей становилось. Не укради Джона ее почти полный список наихудших кошмаров, она, наверное, добавила бы в этот перечень лобстеров – на всякий случай.

Вскоре они увидели Реджинальда Солара, некогда детектива убойного отдела, а нынче владельца нефункционирующего мозга внутри тела, обтянутого пергаментной кожей. Эстер всегда поражалась тому, что с каждой их новой встречей дедушка выглядел все хуже. Словно он глиняная статуя, которую забыли на улице: во время дождя капли постепенно смывали с него плоть, оставляя глубокие борозды по всему телу и собираясь лужицами всего того, кем он был раньше, у его ног. На голове у него была красная шапочка – последнее, что бабушка связала ему перед смертью; он сидел в кресле-каталке напротив шахматной доски и играл сам с собой (а в конце всегда проигрывал).

– Привет, дед, – поздоровался Юджин и сел на пустой стул

напротив Реджа.

Редж ничего не ответил, даже не заметил их присутствия, лишь продолжил смотреть на шахматную доску, пока не сделал единственный доступный ему ход – тот, который вел его напрямиком к поражению.

– Ты все время выигрываешь, старый хрыч, – промямлил он Юджину. Формально Реджинальд был еще жив, однако душа его еще несколько лет назад умерла, оставив после себя тощий труп, который медленно и тяжело брел к могиле.

– Расскажи нам о проклятии, – попросил Юджин, после того как заново расставил фигуры на доске. Несмотря на тот бурный поток, который выливался из его сознания, Редж по-прежнему мог с предельной ясностью описать те его несколько личных встреч со Смертью, поэтому Юджин всегда задавал ему только этот вопрос.

– В первый раз я повстречал Мужчину, Ставшего Смертью... – начал он; его речь была невнятной, голос – хриплым, взгляд – отстраненным. Теперь история рассказывалась им машинально, вспоминалась без былого очарования и страсти, хотя медсестры удивлялись тому, что он вообще ее помнил. – В первый раз я повстречал его, – повторил дед, силясь сложить губы и язык в слова, которые мозг больше не распознавал, – во Вьетнаме.

Весь день Редж неторопливо излагал свою историю с большим количеством подробностей: влажность джунглей, яркие краски военного Сайгона, сладость вьетнамского горячего

шоколада и Мужчина, Ставший Смертью – молодой человек с рябым лицом, таким же измученным войной, как и у них. Юджин отдыхал в кресле у окна, прикрыв тонкие веки от солнца. Эстер лежала на полу, ее голова покоилась на подушке, тело укутывал плащ из соколиных перьев, потому что сегодня она была валькирией Фрейей, древнескандинавской богиней смерти.

Вот что она вспомнила о своем дедушке, пока тот говорил:

- Весь мир знал его как крутого детектива убойного отдела, она же знала его как дедулю – мужчину, который выращивал сады орхидей и разрешал ей срывать цветы, когда остальным это запрещалось.

- Единственные, кто ему нравился из животных, были птицы, пока Флоренс Солар не спасла щенка (Редж очень не хотел его оставлять). Щенок хвостом ходил за дедушкой по оранжерее, в то время как тот ухаживал за орхидеями. Он делал вид, будто ненавидит собаку, а сам был ею одержим. Кличку псу так и не дали, и дедушка обращался к нему лишь словами «иди отсюда», хотя при этом позволял спать у себя на коленях во время просмотра телевизора и в изножье кровати – каждую ночь.

- Его смех. Когда дедушке казалось что-то особенно смешным, он откидывал голову назад. Подушечкой указательного пальца всегда вытирал правый глаз под стихающий смех, плача от счастья или горя.

Воспоминания о смехе, наверное, больше всего расстрои-

ли Эстер. У нее не было ни одной записи с ним; когда Реджа не станет, звук продолжит жить лишь в ее несовершенном воспоминании, где со временем исказится или вовсе забудется. Из уголка ее правого глаза скатилась слезинка, и она указательным пальцем стерла ее, а затем вновь проиграла в голове дедушкин смех, уже сомневаясь, таким ли он был на самом деле.

История подошла к концу. Девочка встала, потянулась, прижалась губами к восковому лбу Реджа. Тот спросил, кто она: ангел или демон, пришедший забрать его душу, – и на этом они покинули дедушку.

6

Проклятие и жнец

Вечером солнце зловеще пряталось за горы – раскаленный круг четвертака тонул на дне неба, – и семейство Соларов готовилось к очередной ночи в своих окопах. К очередной битве против вечно надвигавшейся тьмы. Этот ритуал совершался каждый вечер на протяжении шести лет.

Юджин как обезумевший шнырял по коридорам дома, вооруженный спичками и новенькой любимой зажигалкой в виде дракона, изрыгающего пламя из задницы, и зажигал свечи. Процедура была долгой. Время от времени он выглядывал в окно и бормотал: «Черт. Черт меня побери. Чертов закат!» – или что-то в этом роде, а после продолжал щелкать языком улыбающегося дракона, пока из его недр не вырывалось голубое пламя. Порой он спрашивал у Эстер, который час, и она, сверившись с телефоном, говорила: «Пять тридцать два» или «Без четверти шесть». В ответ, какое бы число она ни называла, Юджин чертыхался и начинал двигаться еще быстрее; свечи зажигались даже без прикосновения к ним – сияние, которое он прежде впитал кожей, слетало с кончиков пальцев на фитильки. Не многие могли зажечь свечу одной только силой воли, а Юджин Солар мог. Со временем уже весь дом гудел от электричества, светился огнями, а в воздухе пахло горелыми фитилями и расплавленным воском.

Роль Эстер в этом маниакальном ритуале сводилась к обеспечению безопасности: она закрывала все окна, задерживала шторы, посыпала пороги дорожками соли и проверя-

ла, надежно ли заперта входная дверь. Она как раз завершала последний пункт этого действия, ее рука зависла в нескольких дюймах от замка, когда на дверь с другой стороны обрушилась череда ударов, пробудившая сильную тревогу. Все жители в округе знали: к их дому не следует подходить (все равно никто не откроет), а значит, стучавшийся почти наверняка был жестоким грабителем. Эстер уже обдумывала имеющиеся у нее варианты – позвонить в полицию, схватить на кухне нож, самой забаррикадироваться в подвале вместе с отцом, – но жестокий грабитель окликнул ее.

– Эстер! Эстер, открой! – прокричал знакомый голос.

На пороге ее дома стоял Джона Смоллвуд. И рыдал.

Эстер опустила к почтовой щели.

– Я на это больше не куплюсь, – отрезала она. – Ты уже однажды украл у меня пастилу. Тебе не стыдно? Хочешь украсть еще одну?

– Открой чертову дверь! – завопил Джона.

– Просунь список в щель для почты и...

Джона вновь заколотил в дверь.

– Ну же, открой, это срочно!

Вот что слышит человек, страдающий тревожным расстройством: *«Я пришел убить тебя и твою семью»*.

Эстер оглянулась – Розмари и Юджин, стоявшие за ее спиной, уже испарились, растворившись в доме после первого стука. Теперь они не покажутся из своих укрытий, пока горизонт не будет чист.

Так что Эстер с осознанием, что рискует одна, и достаточной уверенностью, что Джона не убийца, сделала глубокий вдох и открыла дверь.

– Я сбил его мопедом! – с этими словами Джона влетел в дом. В сложенных ладонях он держал то, что в первую секунду она ошибочно приняла за мокрую ушанку – пушистую русскую шапку, – а на самом деле оказалось бездыханным тельцем котенка. Мопед Джоны кремового цвета валялся во дворе перед домом, между корнями деревьев, его колеса до сих пор вращались.

Котенок явно не дышал.

– Думаю, он мертв, – сказала она, нежно накрыв ладонями руки Джоны.

– Он не мертв! – парень отдернул руки с котенком и прижал его к груди.

– Чего ты от меня хочешь?

– Твой отец же ветеринар, да?

– Джона, он не... Он не выходил из подвала уже шесть лет.

И за все это время не видел ни души.

Джона Смоллвуд, стоило отдать ему должное, не считал это чем-то странным, в отличие от большинства людей, кто знал о состоянии Питера Солара.

– Где подвал? – спросил он.

Тогда Эстер проводила его к оранжевой двери, куда ее отец вошел холодным утром вторника шесть лет назад и откуда больше не выходил. Они вместе спустились по лестни-

це; перья ее плаща вздымали клубы пыли с деревянных ступенек. Даже здесь, внизу, выключатели были заклеены изолентой, еще с тех времен, когда Юджин навещал их отца.

Подвал, в котором сейчас заключалась вся жизнь Питера Солара, выглядел именно так: будто его не покидали шесть лет. Стены закрывали длинные полосы красной ткани, что делало помещение похожим на наркопритон. Из мебели имелась только та, что находилась здесь в тот день, когда он решил отсюда не выходить. Стол для пинг-понга, диван, бывший модным в 1980-е годы, четыре разномастных барных стула и черно-белый телевизор. Все эти вещи окружал обычный подвальный бардак: лестница, три лампы, гора настольных игр, мешки со старой одеждой, много лет назад отложенной для сдачи в секонд-хенд, клюшки для гольфа, гитара, две искусственные елки (обе круглый год стояли наряженные игрушками и гирляндами, поскольку Питер обожал Рождество), граммофон Реджинальда и десятки опасно покосившихся стопок книг и газет.

Шесть лет назад этот подвал казался Эстер невероятно классным. Глядя на него, она видела Выручай-комнату из «Гарри Поттера» и верила, что ее отец – эксцентричный волшебник, заслуживающий места в Хогвартсе. Сейчас же она чувствовала запах бледной человеческой кожи, не видевшей солнечного света полдюжины лет, и видела тонкий слой жира, который осел на гробнице, ставшей его жизнью.

Эстер было одиннадцать лет, когда однажды днем Питер

Солар спустился сюда, чтобы по просьбе Юджина включить второй генератор. Возможно, он слишком сильно горевал о своем брате, дяде Харольде, – тот недавно скончался из-за своей боязни микробов, – или ужас перенесенного инсульта загнал его, ищущего утешения, в темноту, или просто-напросто настал его черед стать жертвой проклятия. Какой бы ни была причина, с ним случилось следующее.

У подножия лестницы у него произошла паническая атака: он вдруг обнаружил, что не в силах подняться дальше второй ступени. В тот день Питер уволился с работы, нанял сантехника для починки туалета в подвале, заказал столько консервов, что хватило бы пережить два конца света, и поклялся больше никогда не выходить на поверхность.

К слову сказать, эту клятву он до сих пор не нарушил.

Питер в клетчатом банном халате и тапочках сидел на диване, потягивал домашние спиртные напитки и слушал рождественские песни. До собственного погребения он всегда выглядел безупречно: волосы гладко зачесаны назад, кончики усов подкручены. Первый год он еще старался следить за внешностью. А после к нему перестали ходить. Сначала коллеги по работе, потом его лучшие друзья и даже собственная сестра. Они слишком рано махнули на него рукой. Эстер, Юджина и Розмари хватило еще как минимум на два года, прежде чем и они перестали его навещать. Им было слишком больно наблюдать за тем, как он медленно превращается в подобие человека.

Теперь Питер Солар представлял собой дикаря. Волосы спутались и свалялись. Растрепанная борода пестрела седой. Будучи подтянутым, он сделался большим; не совсем толстым, но широким и массивным. Он напоминал Эстер какого-то героя из легенды. Викинга после долгого, одинокого путешествия по морю, обветренного солнцем и солью.

Левая половина его лица обвисла и начала застывать, а левая рука, скрючившись, загнулась к телу. Как сказали врачи, случился еще один инсульт – в этот раз хуже предыдущего. Прошло три месяца, прежде чем кто-то узнал. Питер чувствовал, что-то не так, но настолько боялся перспективы выйти из подвала, что не осмелился попросить о помощи. Два инсульта за три месяца. С этим знанием было трудно находиться тут. Как бы сильно Эстер ни любила отца, каждая встреча с ним (что бывало нечасто) напоминала ей о том мужчине, которого она знала прежде. О мужчине, которого она не смогла спасти.

Прошли месяцы с тех пор, как она в последний раз решилась взглянуть на разрушенные останки своего отца.

– Пап... – окликнула она, и он обернулся; свет блеснул на застывшей стороне его лица. У Питера были ее глаза. Точнее, это у нее были его глаза – в которых бушевала буря. Глаза, которые разбивали ей сердце.

Джона уже пробирался к нему между грудями хлама.

– Я сбил его мопедом! – сказал он и прижал мокрого котенка к груди одичавшего мужчины.

Питер уже очень давно не общался с незнакомыми людьми. Но еще дольше он не занимался медициной. Эстер попыталась вспомнить, когда отец в последний раз лечил животное. Близнецам тогда было по десять или одиннадцать лет, и он возил их на велосипеде на детскую площадку рядом с домом. На обратном пути Эстер обнаружила в сточной канаве птицу, сбитую машиной, раненую и брошенную умирать.

Воробушек находился в плачевном состоянии, и Питер наверняка с самого начала знал, что тот умрет, но не мог сказать этого дочери. Он взял птицу в руки и отнес ее домой, после чего они вдвоем всю ночь выхаживали ее: кормили, поили и согревали. Эстер назвала воробушка Счастливым. А утром он умер, его маленькое сердечко перестало биться. Питер молча баюкал дочку на коленях, пока она плакала, уткнувшись ему в плечо.

Вскоре после этого он спустился в подвал, и все изменилось.

Эстер все ждала, что он испугается, и у него случится приступ паники от такого внезапного и неожиданного вторжения в личное пространство, но этого не произошло. Она отошла в тень и стала наблюдать за ними: Питер отставил в сторону свой крепкий джин, перевел взгляд с нее на Джону, потом – на котенка в своих руках, приказал парню (из-за инсультов его речь была медленной и невнятной) достать аптечку из-под стопки газет и принести ему. Она смотрела, как отец отыскал источник кровотечения и остановил его,

как вновь расправил сдавленное легкое, как вколол котенку обезболивающее, зашил рану, вправил сломанную лапку и сказал – пусть не со стопроцентной уверенностью, но почти, – что других смертельных ран нет, только сильная контузия, которая может привести к необратимому повреждению мозга. Это могут быть легкие приступы, которые продлятся несколько дней, но с ними несложно справиться. Все эти манипуляции Питер проделывал одной рукой, а когда не мог делать сам – с помощью Джоны.

– Положи сюда руку, очень аккуратно, – направлял Питер. Джона прижал ладонь к тонким ребрам котенка. Его рука двигалась вверх-вниз, вверх-вниз вместе с частыми вздохами животного. От его прикосновения котенок слабо пискнул.

– Похоже, бездомная, – заключил Питер и здоровой рукой передал Джоне закутанного котенка. Тот с большой осторожностью взял его в ладони, будто тот был сделан из стекла. – Шерсть сваялась, организм истощен, и у нее глазная инфекция. Эстер, – обратился Питер к дочери, – у нас там наверху, в гараже, еще должно оставаться кошачье молоко. Можешь принести его сюда?

Сперва Эстер хотелось ответить: «А с чего ты взял, будто знаешь, что происходит там, наверху?» Однако он впервые за шесть лет проявил интерес к чему-то за пределами оранжевой двери, ведущей в подвал. Поэтому лишь сказала: «Конечно», – и оставила Джону баюкать, словно ребенка, конту-

женое животное, сидя с ее отцом на старомодном диване.

Весь следующий час Питер учил Джону кормить котенка молочной смесью с истекшим сроком годности, обрабатывать пораженные инфекцией глаза, выводить блох, распушивать шерсть, держать его в тепле и проверять дыхание.

Эстер с опаской следила за Джоной. Ее отец и так все потерял. Потерять еще больше в результате кражи будет совсем непростительно. Так что она не спускала глаз с длинных пальцев своего знакомого, чтобы те ненароком не нырнули в карман отцовского халата или не блуждали в опасной близости с золотыми часами на его запястье, но Джона, похоже, был полностью поглощен кошкой. В конце концов она расслабилась в его присутствии. И даже странным образом ощутила... спокойствие.

– Можешь забрать ее к себе? – спросил Питер у Джоны.

– Нет. Лучше не стоит, – ответил тот, поглаживая кошачий нос. – Сейчас это не самое приятное место.

– Уверен, Эстер не против тебе помочь и присмотрит за ней здесь.

Вот так на Эстер взвалили обязанность по уходу за дурацкой кошкой Джоны, которую он назвал Флейонсе Ноулз¹⁴.

Ну естественно.

¹⁴ Искаженное имя Бейонсе Ноулз – американской певицы в стиле R'n'B. Приставка «Фли» происходит от слова flea – блоха (англ.).

* * *

Перед тем как ребята вышли из подвала, Питер положил здоровую руку на плечо Эстер.

– Рад был тебя видеть, – сказал он. На секунду показалось, будто Питер собирается обнять дочь, но он, помешкав, лишь поднял стакан с джином.

– И я тоже, – ответила она, выдавив из себя улыбку. А в голове все это время крутилось только одно слово – *«прости, прости прости»*, хотя она и не понимала, за что просила прощения. За то, что не навещала чаще? За то, что в те дни, когда больше всего скучала по нему прежнему, думала, как было бы проще объяснить его отсутствие, если бы он просто умер? – Не хочешь подняться на ужин?

Настал черед Питера натянуть фальшивую улыбку.

– Может, в следующий раз.

Эстер отчаянно хотелось спасти отца, вернуть его из того состояния полусмерти, которое стало его жизнью. И с каждым напоминанием о том, что она не может его спасти, от ее сердца откалывался еще один кусочек.

* * *

– Не хочешь остаться на ужин? – предложила она Джоне,

как только они поднялись наверх: Эстер не знала, как еще утешить его по поводу котенка, возможно, получившего повреждение мозга – ей совсем не хотелось оставлять это на своей совести. Вот так Джона на следующий день, после того как ограбил ее на автобусной остановке, а потом вместе с ней был задержан полицией, познакомился за ужином с ее семьей. Чтобы освободить место на столе для его тарелки, Эстер пришлось сдвинуть в сторону две лампы и дюжину свечей, а еще соскрести слой воска, накапавшего за несколько лет. Джона ничего не сказал про обитавшего в подвале отца, про заклеенные выключатели, про Юджина, державшего ладонь над пламенем свечи чересчур долго и почти не замечавшего, когда кожа начинала гореть и пузыриться. Но ему никак *не* удавалось *не* пялиться на петуха, восседавшего на плече Розмари.

В списке странных вещей семейства Соларов Фред, большой черный петух с хвостом из огненных перьев, торчавших из зада, занимал, безусловно, верхнюю строчку. Три года назад Розмари купила его у литовской прачки за тысячу долларов, и с тех пор Фред терроризировал их дом. Зачем вообще покупать петуха за тысячу долларов? Затем, что, по словам продавшей его женщины, петух Фред был, на самом деле, вовсе не петухом – он был Айтварасом, сверхъестественным духом, приносящим удачу всем, кто с ним проживал.

Пока что Фред кроме петушиной сущности ничего им не принес, хотя Розмари это не мешало верить, что, если она

будет хорошо с ним обращаться, он дарует их дому «богатство и зерно», а после смерти самовозгорится.

Джона медленно жевал, глядя на Фреда. Фред взирал на него в ответ, наклоняя голову из стороны в сторону, поскольку именно так делали петухи.

– Итак, Джона, – попыталась завести непринужденный разговор Розмари; подобную привычку, похоже, вводили внутривенно всем людям после того, как они производили на свет потомство, – чем ты занимаешься в свободное время?

– В основном рисую грим, – ответил Джона с набитым ртом, жуя слегка подгоревшую лазанью из магазина – фирменное блюдо Розмари. – Ну там, огнестрельные ранения, порезы на лбу, синяки и прочее, – Джона бросил на Эстер виноватый взгляд. Она прищурилась и прижала язык к зубам изнутри. Ах ты маленький *засранец*. Значит, в тот вечер на остановке опухшая щека и порез на брови все-таки были подделкой.

– Какой полезный навык, – медленно протянула Эстер.

Джона подмигнул ей.

– Время от времени пригождается.

– Ты хочешь этим заниматься, когда вырастешь? – спросила Розмари.

– Мама, ему не семь лет.

– Прости, когда закончишь школу.

– Да, хочу работать в кинематографе. Я много тренируюсь по обучающим видеороликам с «Ютьюба». Сейчас учусь де-

лать пластический грим вроде накладных носов из «Властелина колец». Папа ненавидит мое увлечение, говорит, я никогда этим не заработаю, а я все равно откладываю деньги на поступление в киношколу, без его ведома.

– О, а Эстер занимается выпечкой, чтобы заработать на колледж. У тебя есть работа?

– М-м-м... это больше похоже на *предпринимательскую* деятельность.

Эстер не сумела удержать язык за зубами:

– Точнее сказать, обчищает беззащитных граждан на автобусных остановках.

Джона с робким видом пожал плечами.

– По крайней мере, ты знаешь, что все украденные средства идут на благотворительные цели.

В это мгновение Фред решил проявить свою дьявольскую сущность: спрыгнул с плеча Розмари, устроив на столе настоящий переполох (наверное, потому что Флийонсе спала у Джоны на коленях и привлекала к себе больше внимания, чем он). Свечи и лампы разлетелись в стороны. Тарелки упали на пол и разбились, а недоеденная еда разметалась по столу, дереву и стенам. Фред пронзительно вскрикнул, хлопнул крыльями – его работа по вредительству была окончена – и заковылял на кухню пугать кроликов.

Как только он ушел, Розмари с закрытыми глазами распростерла руки над пролитым воском и разбросанной лазаньей.

– Случится что-то плохое, – зловеще произнесла она. – Это дурной знак.

– Дурной знак для моего желудка, – проворчал Юджин и, опустившись на колени, принялся собирать ужин с пола.

– Думаю, тебе лучше уйти, – обратилась Эстер к Джоне.

На удивление, тот не стал возражать.

* * *

Вечер был теплым, с тяжелым от сырости воздухом. Среди дубов слышался стрекот сверчков. Тихо пели назары.

– Ты когда-нибудь ненавидел свою семью? – поинтересовалась Эстер.

Джона усмехнулся.

– Постоянно. Мне кажется, можно любить человека и все равно не одобрять то, что он делает. Твоя семья... они странные, но любят тебя.

– Я знаю.

– Так что это такое? – спросил Джона, доставая почти полный список наихудших кошмаров, который украл у нее на остановке. Этому перечню было уже шесть лет, бумага истончилась на сгибах; в нем перечислялись ее страхи: от написанных едва разборчивым, как курица лапой, почерком (3. *Тараканы*) до чуть более читаемых записей, сделанных зелеными чернилами в день кражи (49. *Мотыльки-насекомые и люди-мотыльки*). Со временем она стала приклеивать

к списку дополнительные листы бумаги и цветные стикеры, чтобы иметь больше места для отслеживания всего, что кажется ей пугающим и что однажды может стать большим страхом. Здесь были фотографии, небольшие графики, распечатанные из «Википедии» определения и карты с улицами/городами/странами/океанами, которых следовало избегать любой ценой.

– Страхи, если их избегать, не могут перерасти в полноценные фобии, а фобии, если их нет, не могут тебя убить, – пояснила она, забирая у него хрупкие листы. Список представлял собой дорожную карту последних шести лет ее жизни: темнота появилась под номером два, в то самое время, когда у Юджина развилась боязнь ночи. Высота возникла под номером двадцать девять, после их первой поездки в Нью-Йорк, когда у нее случился приступ паники на вершине Эмпайр-стейт-билдинг. Так, страх за страхом, Эстер составляла перечень тех вещей, с помощью которых проклятие могло до нее добраться, – каждое слабое место, через которое оно могло проникнуть в ее кровь. Она не хотела жить так, как Юджин, или отец, или мать, или тетя, или дядя (когда тот еще был жив), или кузены, или бабушка.

Проклятие и так уже забрало трех представителей семейства Соларов:

1. Дядя Харольд, брат Питера, боялся микробов, а умер от обычной простуды. Как сказал Юджин, он сам накликал на себя беду: почти два десятилетия Харольд принимал ненуж-

ные антибиотики, герметически уплотнил весь дом, чтобы уличный воздух не мог попасть внутрь, и носил хирургические маски, куда бы ни пошел. Из-за отсутствия контакта с инфекцией его иммунная система стала настолько хрупкой, что хватило даже слабого вируса, чтобы его убить.

2. Мартин Солар, двоюродный брат Эстер, боялся пчел. В четырнадцать лет он, отдыхая в летнем лагере, растревожил улей и свалился в овраг, пытаясь спастись от пчелиных укусов. Юджин утверждал, что его убил овраг, а не пчелы.

3. Пес Реджа, Исчезни, боялся котов – именно они гнались за ним, когда пес вылетел на дорогу перед грузовиком.

Да, все эти Солары умерли из-за своих страхов. Эстер не могла позволить, чтобы сильный, пробирающий до костей ужас завладел ее жизнью и в конечном счете привел к смерти. Поэтому, если при мысли о чем-то она испытывала страх, тут же заносила его в свой список и впоследствии всегда избегала. Ведь если не заикливаться на тревоге, не потокать ей, она не сможет тебя достать.

– Я пытаюсь перехитрить проклятие, – добавила Эстер. – Спрятаться от Смерти.

– Ты же не веришь во всю эту вуду-чепуху?

– Верю ли я, что мой дедушка несколько раз встречался со Смертью и тем самым навечно проклял нашу семью? – Ей хотелось сказать «нет», но Джоне Смоллвуду, с круглыми, точно монетки, глазами и преступно полными губами, невозможно было солгать. – Да. Я верю. Юджин считает все

это глупыми сказками, что у Соларов просто предрасположенность к психическим заболеваниям, но... Редж Солар – захватывающий рассказчик.

– Значит, твой дедушка утверждает, будто Смерть – это живой человек?

– Да. Они с ним вроде как были друзьями. Познакомились во Вьетнаме. И потом еще несколько раз встречались.

– Тогда попробуй его отыскать. Поговори с ним, попроси снять проклятие.

– Ты хочешь, чтобы я *искала* Смерть?

– Конечно. Если ты веришь, что Смерть – это просто какой-то парень, который разгуливает по свету и действительно *знает* твоего дедушку, значит, можно найти его и поговорить.

– В этом и правда есть смысл.

– А почему верхняя строка пустая? – чернила в цифре «один» растеклись от старого кофейного пятна, само число наполовину съели мотыльки (потому эти мохнатые гады и записаны под номером сорок девять), однако страха указано не было.

– Она для одного большого страха, – пояснила Эстер. – Через него проявляется проклятие. Сначала этот большой страх захватывает твою жизнь, а после забирает ее. Мой дедушка боится воды. Папа – выходить из дома. Юджин – темноты. Тетя – змей. Мама – неудачи. Если я оставлю эту строку пустой, а все остальное напишу под ней...

– Тогда ничто не сможет тебя настичь?

– Именно. Благодаря этому списку я жива. Всего, что здесь указано, я боюсь одинаково. Они служат своего рода пошпиной. Некой дамбой, чтобы не подпустить тот самый большой страх.

– Забыла про ураган «Катрина»? Он разрушает любые дамбы.

– Спасибо, доктор Фил¹⁵.

Джона спустился с крыльца и зашагал сквозь деревья к своему мопеду. Эстер последовала за ним.

– Куда ты делся? – спросила она. – Когда исчез.

Парень пожал плечами.

– Менял школы. Как и многие дети.

– После твоего ухода все стало просто ужасно. Без тебя люди снова стали злыми.

– О чем ты?

– Помнишь, как мы познакомились?

– Мы учились в классе миссис Прайс.

– Со мной и Хеф никто никогда не говорил. До твоего появления дети обычно обзывали меня уродиной. Рыжие волосы, море веснушек... Надо мной вечно издевались. А Хефциба вообще была для них легкой мишенью. Они толкали ее и били, пытаясь заставить говорить. Рядом с нами никто не садился. Все считали, что мои веснушки и ее немота – за-

¹⁵ «Доктор Фил» – телевизионная программа, которую ведет Филлип Кэлвин «Фил» Макгроу, американский психолог и писатель.

болевания, и боялись их подхватить.

– Эти дети – придурки.

– А потом на одной из перемен ты подсел к нам. Ничего не говорил, просто ел свой обед и сердито глядел на каждого, кто проходил мимо и мог нас побеспокоить. Уже через неделю ты стал моим лучшим другом.

– Я помню это. Мы были чудаками. И нам приходилось держаться вместе.

– А потом ты ушел. Мы с Хеф вновь остались единственными чудаками в школе. Ты был нужен нам, но ты исчез.

– Эстер, мне нечего сказать, – Джона провел руками по волосам. – Прости, что меня не было рядом, но это не мое решение. Мне было восемь лет. Я не обязан был вас защищать.

Глядя ему в спину, Эстер размышляла о своей семье. Юджин умрет от темноты. Отец умрет в подвале. Дедушка утонет. А в один из дней Розмари Солар порежется осколком разбитого стекла, или споткнется о черную кошку, или пройдет под лестницей, после чего на нее несколько секунд спустя свалится что-нибудь тяжелое.

Один большой страх захватывает твою жизнь. Один большой страх ее забирает. От своей судьбы не убежать, как не уберечь от нее и своих родственников – так дедушка говорил Эстер с самого детства.

Если только... *Если только...*

– С чего бы ты начал? – торопливо поинтересовалась она

у Джоны, когда тот поднял мопед с переплетенных корней деревьев. – Если бы искал Смерть? Если бы хотел найти его и попросить об одолжении, с чего бы ты начал?

Сначала Джона задумался, а потом ответил вопросом на вопрос:

– Что ты делаешь завтра?

Она уже собралась было ему соврать. Беззаботно сказать: «О, в выпускном классе я уезжаю в Непал изучать традиции шерпов¹⁶», – чтобы Джона забыл об ее существовании. Но в это мгновение она вспомнила его истинный запах – как он пах прошлым вечером на складе; каким грустным он казался, когда думал, будто Флейонсе умрет у него на руках, А еще – даже если он ограбил ее, бросил одну, вынудив идти домой пешком три часа под дождем, – она не хотела прощаться с ним. Только не опять. Только не сейчас.

Поэтому Эстер ответила:

– Ищу Смерть.

А он сказал:

– Звучит здорово.

– Только как?

– Помнишь высказывание: «Каждый день надо делать дело, которое тебя пугает»¹⁷?

¹⁶ Шерпы – народность, живущая в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии.

¹⁷ Высказывание принадлежит Элеоноре Рузвельт, американской общественной деятельнице, супруге президента США Франклина Делано Рузвельта.

– Ага.

– Вот так мы и найдем Смерть. Все боятся умирать, верно? Возможно, это и привлекает Смерть. Возможно, это и приведет его к тебе. *Страх*. Вот как мы поступим: мы найдем его, поговорим и попросим снять проклятие.

– И больше никаких больших страхов?

– Больше никаких больших страхов. Согласна?

Эстер взвесила свои варианты. На одной чаше весов находилась верная смерть – для нее и тех, кого она любила. Шесть лет она остерегалась всего, что вызывало у нее даже малейший страх, с целью спасти себе жизнь. Пока ты избегаешь проклятия, оно не может тебя убить – вот почему план броситься с головой в омут страха, по ее мнению, граничил с безумием.

С другой стороны, имелся шанс, пусть небольшой, всех спасти. Спасти Юджина от темноты. Спасти маму от неудачи. Спасти папу из подвала. Спасти дедушку от утопления. Таким шансом стоило воспользоваться.

Маленькая искорка, в которой Эстер позже распознала храбрость, пробежала по ее спине, когда она кивнула и ответила:

– Да.

Эстер заметила: несмотря на завывающий в деревьях ветер, все назары притихли, словно одобряли присутствие Джоны Смоллвуда в доме. После его ухода она добавила *лобстеров* в список пятидесятым номером, потом вошла в дом

и еще восемь раз проверила все замки на дверях, прежде чем легла спать.

7

1/50: Лобстеры

На следующий день Эстер проснулась рано утром, оделась в бабушкину форму стюардессы 1960-х годов оттенка яичного желтка и принялась ждать приезда Джоны. Потом, прошатавшись по дому еще полчаса, решила написать ему, что заболела. Наверное, охота на Смерть была не такой уж отличной идеей.

ЭСТЕР:

Я подхватила корь. Пожалуйста, не приезжай.

Джона ничего не ответил, так что Эстер пришла к выводу: одной проблемой стало меньше, больше она никогда его не увидит. От этой мысли она испытала одновременно облегчение и легкую... грусть? Сегодня последнее воскресенье летних каникул, скоро начнется школа, и ей предстоит много всего испечь, если она хочет вырваться из поля притяжения своего города, засасывающего подобно черной дыре. Однако крошечная часть ее души по-прежнему испытывала интерес к Джоне. Крошечная часть ее души чувствовала спокойствие в его присутствии. Крошечная часть ее души скучала по нему, когда его не было рядом.

Не прошло и десяти минут, как снаружи послышался отчетливый рев мотора – мопед припарковался возле ее дома. Она выскочила на крыльцо.

– Ты когда-нибудь одеваешься нормально? – первое, что спросил Джона при виде нее.

Эстер окинула взглядом его одежду.

– А ты знаешь, что выглядишь так, будто отоваривался в комиссионке с Маклемором¹⁸? – Тут она вспомнила, что должна быть *сильно больна и заразна*, и принялась кашлять. – Я же тебе сказала, у меня корь.

– У тебя нет кори.

– Я *сильно больна* корью.

– Ты не больна корью.

Эстер всплеснула руками:

– Ладно! Это дурацкая затея. Я не хочу этим заниматься.

– Такая отговорка не принимается.

– А какая же принимается?

– Например, что тебе нужно срочно поменять обивку дивана.

– Это очень странная отговорка.

– Да, но сейчас ты не можешь ею воспользоваться, поэтому меня она устраивает. И вообще, думаешь, я мог бы бросить свою крошку? Где там моя маленькая Флийонсе? Скажи ей, что папочка пришел.

– Ох, ну ладно. Заходи. Она в гостиной.

По мнению Эстер, выявленное Питером сотрясение мозга вполне могло остаться у Флийонсе навсегда. Язык уже вываливался изо рта, а голова клонилась набок, словно набитая с одной стороны песком, отчего кошка передвигалась (с гип-

¹⁸ Речь идет о песне “Thrift Shop“ (пер. с англ. – комиссионный магазин), исполненной американским рэпером Маклемором.

сом это по-прежнему давалось ей с трудом) по диагонали. Но Джона, похоже, ничего не замечал. Они вместе с Эстер устроились в гостиной, где он по капле кормил животное из шприца молочной смесью для котят.

Во время кормления Флийонсе Джона поглядывал по сторонам: рассматривал голые стены; скопление свечей и ламп в каждом углу комнаты; груды ненужной мебели, загораживавшей лестницу; пучки сухих трав, свисавших с каждого окна и дверного проема; кроликов, обитавших на кухне, а сейчас грызших нижнюю часть дивана.

– Я так понимаю, у вас дома бывает не много гостей? – спросил он.

– Нет, напротив, мы постоянно устраиваем вечеринки. Просто люди все время приносят лампы в качестве подарков. Это уже становится настоящей проблемой.

– Дай мне посмотреть твой список, – попросил он, и Эстер протянула ему листок. Джона аккуратно его развернул и принялся изучать, периодически отпуская комментарии «хм-м-м», «ясно», «не совсем понимаю, что это, но ладно». И в конце: «Черт, я бы и сам от такого держался подальше. Это же дико страшно!»

– Итак, пойдем в обратном порядке, – заключил он и с этими словами вернул листок Эстер, которая по-прежнему не понимала, что происходит.

Джона положил Флийонсе обратно в лежанку и вручил Эстер мотоциклетный шлем.

Некоторое время они ехали – справедливее будет сказать, еле ползли, – пока не очутились на самой окраине города. День выдался теплым, последние часы лета не спешили уходить. В округе почти ничего не было, кроме полей, заросших длинной, выгоревшей на солнце травой – она колыхалась на ветру, будто под водой. Джона остановился напротив вывески: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. НАРУШИТЕЛИ БУДУТ НАКАЗАНЫ».

– Куда мы идем? – поинтересовалась Эстер, после того как слезла (весьма неуклюже) с мопеда и, миновав вывеску, нырнула вслед за ним в густые заросли. В это мгновение мозг решил напомнить ей, что убийцу Зодиака так и не поймали¹⁹: и хотя Джона был слишком молод для того, кто в 1960-е годы убил восемь человек, у человека с тревожностями обычно напрочь отсутствует логика. Она выудила из сумки связку ключей от дома и зажала ее между пальцами на случай, если он попытается ее задушить.

Они шли минут десять, потом еще пятнадцать, шагая по узкой тропинке, отчего на ее ногах оставались царапины, а из-под фуражки выбивались длинные пряди рыжих волос. В конце их пути она была похожа на стюардессу, выжившую в крушении самолета.

Тут где-то неподалеку послышался шум волн, разбивавшихся о берег. Заросли кустарника расступились, и перед ними предстало чистое озеро. Поблизости никого, кроме

¹⁹ Информация на момент написания книги.

них, не было. Солнечные лучи, проникая сквозь утреннюю дымку, отражались в воде, отчего вокруг все приобретало янтарное сияние. Пляж из белого камня был усеян мелким мусором из озера: морскими водорослями, ракушками, осколками зеленого стекла, отполированного до гладкости волнами. Завывал ветер. Плескалась вода. Восхитительное зрелище – как в начале фильма ужасов.

– Ты ведь не собираешься меня убивать? – спросила Эстер, хотя Джона уже приступил к приготовлениям (хотелось надеяться, не для ее убийства). Он достал из кармана экшен-камеру «Гоу-Про» и пристегнул ее к голове.

– Мне вот любопытно, где ты ее взял? – поинтересовалась она.

– Нашел, – ответил Джона.

– Ага, нашел в чьем-нибудь рюкзаке.

– Ты судишь предвзято.

– Я основываюсь исключительно на прошлых наблюдениях и личном опыте.

– Давай, – скомандовал он и в следующую секунду разделся, скинув с себя все вещи вплоть до трусов. Только Эстер не собиралась делать то же, поскольку а) у нее имелись растяжки, целлюлит и прочие банальные несовершенства тела и б) она не знала, что сегодня вдруг понадобится оголяться, а потому не надела какое-нибудь миленькое нижнее белье, которое специально берегла для возможных сексуальных контактов, – в настоящее время их число составляло ноль. Хотя

нынешняя ситуация ни в каком виде и ни в какой форме не походила на возможный сексуальный контакт.

Эстер разгладила свое платье спереди.

– Пожалуй, я останусь в одежде.

– Как пожелаешь. Ха! – ответил Джона. Потом убежал куда-то вглубь пляжа, порылся в траве и вытащил на берег престельную гребную шлюпку, покрытую частично бледно-голубой, частично белой краской, напоминавшей глазурь на торте. – Тогда можешь плыть на ней, – предложил он, вернувшись к Эстер. После бега он запыхался, его карие глаза стали еще больше от волнения. Эстер показалось забавным то, как парень с волевым подбородком и щетиной мог выглядеть настолько юным и уязвимым.

– Откуда ты узнал, что она там? – спросила Эстер.

– Мама частенько приводила нас сюда в детстве.

Вот так теплым летним утром, два дня спустя после того, как ее ограбили, Эстер Солар в униформе стюардессы выплыла на озеро в компании Джоны Смоллвуда.

В лодке хватало места для двоих, но Джона предпочитал плыть рядом с бортом. Они отплывали все дальше и дальше от берега, пока туман не поглотил землю, и остались только они – два одиноких человека среди сверкающей бездны. Озеро здесь было глубоким, но прозрачным; Джона то и дело нырял в воду с пристегнутой к голове камерой, бросаясь в стаи серебряных рыбок, и его тело длинной тенью скользило в глубине. Все дно покрывали колыхающиеся морские во-

доросли из тех, где обычно обитали огромные белые акулы (вряд ли они водились в озере, но Эстер боялась их даже в бассейнах) и тот жуткий русалочий народ из «Гарри Поттера». Как хорошо, что Эстер находилась в лодке.

Вдали от берега располагался небольшой карстовый остров из белых камней – он торчал из воды точно одиночный зуб акулы. Как только лодка причалила к нему, Джона уселся на мелководье и принялся разглядывать каменистое дно озера. Эстер тоже посмотрела вниз и увидела десятки тел в твердых панцирях мутно-зеленых и венозно-голубых оттенков. Лангусты.

Пресноводные лобстеры. Последний страх из ее списка. Джона собирался натравить на нее ракообразных существ.

Эстер с такой силой зажала ладонями глаза, что кожу обожгло.

– Даже *не смей* подносить ко мне одну из этих штукювин.

– Лобстеры для скорпионов – русалки, – сказал Джона. Эстер слышала, как он соскользнул в воду. – Почему ты их так боишься?

– Во-первых, у них клешни. Во-вторых, они вызывают пищевое отравление. В-третьих, они похожи на лицехватов из «Чужого». В-четвертых, у них глаза-бусинки. В-пятых, звук, который они издают во время варки...

– Какой звук?

Эстер изобразила писк, раздающийся во время варки лобстеров.

Джона покачал головой (во всяком случае, ей показалось, что он покачал головой – она по-прежнему зажимала глаза руками).

– Ага, посмотрим, как ты запишишь, если тебя бросить в кипящую воду.

Лодка слегка покачнулась. Эстер поглядела в щель между пальцами. На сиденье напротив нее лежал лобстер, его черные глазки-бусинки неотрывно смотрели на нее. *«Я убью всех, кого ты любишь»*, – проскрежетал он на своем лобстерском языке. Его усики дернулись. Она резко вскочила с места. Потеряла равновесие... и опрокинулась назад, в воду. Лобстер, как ей представлялось, был доволен. Эстер вынырнула на поверхность воды, ловя ртом воздух: она была в шоке от холода, глубины озера и внезапно охватившей ее паники, что тут могут водиться пресноводные акулы, или стаи пираний, или одни из тех питающихся плотью паразитов, которые заползают в уретру, когда ты писаешь, и откладывают личинки в твоих почках.

– Эстер? – тихо пророкотал голос.

«Лобстер, – такова была ее первая абсурдная мысль. – Он знает мое имя. – А потом: – Ради бога, только не пирай».

Отыскав ногами опору в виде камней, она откинула с глаз мокрую завесу из волос. Стоять на булыжниках оказалось слишком скользко, поэтому она ухватилась за борт лодки и подтянулась. Из-за другого края лодки выглядывали, словно куклы-марионетки, два лобстера.

Тут Джона заговорил с ужасным английским акцентом, будто выразительный священник из фильма «Принцесса-невеста»:

*Две равно уважаемых лобстерских семьи
На озере, где встречаются,
Ведут клешнями междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья²⁰.*

– Что ты делаешь? – спросила Эстер. Самого Джону она почти не видела, только его длинные темные пальцы, которые заставляли лобстеров танцевать, целоваться, театрально изображать самоубийство (то есть плюхаться обратно в воду) – и все это с измененными на водную тематику строчками из «Ромео и Джульетты».

– Показываю Лобстера Шекспира, ясное дело, – сказал Джона.

– Но вот клешня, по счастью, – пронзительно взвизгнула лобстер Джульетта неприятным женским голоском. Лобстер Ромео уже сбросился в воду, откуда быстренько сбежал к камням – наверное, ему не терпелось поделиться с сородичами историей своего невероятного спасения. – Сиди в чехле! Будь здесь, а я умру. – Джона изобразил, как лобстер Джульетта закалывает себя в грудь собственной клешней, а после, ахнув, тоже падает в воду и тонет, постепенно опуска-

²⁰ Строчки из произведения У. Шекспира «Ромео и Джульетта» приведены в переводе Б. Пастернака, а после изменены.

каясь на белое песчаное дно.

Джона подтянулся на бортике лодки и с озорной улыбкой уцепился за него руками, в точности как Эстер.

– Не смешно, – заявила она.

– Тогда почему ты улыбаешься? – спросил он.

Стоило признать, тут он был совершенно прав.

После того как лобстеры, лишившись всякого уважения, сдались на милость судьбы, они уже меньше напоминали лицехватов. Весь следующий час ребята провели в воде – Эстер по-прежнему в одежде и обуви. Они ныряли под воду, пытаясь определить, как долго смогут задерживать дыхание, сколько лобстеров поймают рукой, какое количество уложат на дно лодки. Они взбирались на вершину каменного выступа, «бомбочкой» прыгали в воду и шли ко дну, пока весь воздух не выходил из легких. А потом ждали под водой Смерть, но тот так и не приходил.

Под конец уже вся лодка кишела черными глазками-бусинками и подвижными усиками. У Эстер с Джоной сбилось дыхание, легкие горели огнем, но они по-прежнему были живы. Когда туман рассеялся, они, лежа на спине, раскачивались на воде в последних теплых лучах летнего солнца, однако Смерть все не приходил. А еще от Эстер не укрылся тот факт, что Джона не казался таким уж несчастным – ее это раздражало еще сильнее, потому что, по идее, не должно возникать мыслей «А этот парень, на самом деле, вполне себе привлекателен» по отношению к человеку, который об-

манул тебя и бросил.

Вскоре большую часть улова ребята выбросили обратно в воду, за исключением двух «счастливиц». Проголодавшись, они вернулись на берег, где Эстер развела на пляже небольшой костер. (Разумеется, Юджин передал ей свои знания по добыванию огня.) В это время Джона куда-то убежал, а через десять минут вернулся с кастрюлей, двумя тарелками, столовыми приборами, свечами, покрывалом для пикника, буханкой хлеба и весьма впечатляющим набором приправ, в том числе с соусом из лобстеров.

– Я нашел домик у озера, – пояснил он.

– И он был... заброшен? – с надеждой спросила она.

– Да. Я точно не вламывался туда.

– Джона.

– Что? Мы всего лишь позаимствовали на время, клянусь. Я потом все верну. Они даже не узнают. Тем более дверь была не заперта. Люди, которые не запирают двери, слишком богаты, чтобы беспокоиться о краже.

– Да, или они – пожалуйста, услышь меня – живут на большой частной территории и не предполагают, что кто-то вторгнется к ним.

Затем они еще некоторое время спорили, испытывают ли лобстеры боль и гуманно ли кидать их в кипящую воду, или сначала стоит отрезать им головы. Поскольку в едином мнении, как лучше всего убивать ракообразных, они не сошлись, пришлось выпустить лобстеров обратно в воду. Те скрылись

в глубине озера с быстротой, с какой позволяли их маленькие лапки.

Итак, вместо настоящих лобстеров Эстер и Джона решили съесть буханку хлеба с соусом из лобстеров.

– Знаешь, мы могли бы и дальше так делать, – сказал Джона, жуя хлеб. – Каждое воскресенье на протяжении следующего года. Пятьдесят страхов. Пятьдесят недель. Пятьдесят видеороликов. – Он постучал пальцем по камере. – Что скажешь?

– Зачем ты вообще снимаешь?

Джона небрежно пожал плечом.

– Может, однажды использую отснятый материал для получения стипендии в киношколе. Тогда отцу придется меня отпустить.

– Очень надеюсь, я не увижу ни один из этих роликов в Интернете. Никогда. Пообещай мне.

Джона клятвенно прижал руку к груди.

Тут Эстер задумалась над предложением Джоны: возможностью проходить все пункты ее списка не в одиночестве. Возможностью, пусть и небольшой, жить без страха. Но это испытание было труднее, чем Джона себе представлял. Для нее проклятие было настоящим – его бремя она несла каждый день. Где-то в этом списке, возможно, таилось то, что могло ее убить. Попытка остерегаться его сулила долгую жизнь. А встреча с ним вела к страху, опустошению и неминуемой смерти. То, что лобстеры не оказались ее большим

страхом, не означало, что и змеи, высота или иголки им не станут. Но как только она это *выяснит*, как только этот страх *доберется* до нее, он поглотит ее целиком.

– Страх погубил жизни всех дорогих мне людей, – наконец произнесла Эстер. – Я не хочу становиться как они. И не думаю, что хочу узнавать свой большой страх. Лучше жить и бояться, чем не жить вообще.

– А вдруг ты ничего не боишься?

– Ты же сам сказал: всего чего-то бояться.

– Да, но что, если твой большой страх – это, допустим, комета Галлея, а ты всю жизнь напрасно избегала приятных вещей? Какая трата времени!

Эстер никогда не думала об этом в таком ключе, и стоило признать: Джона мог быть прав. Но все же она считала, что риск слишком велик.

– Я не могу, – сказала Эстер. – Просто не могу.

Джона не стал вычеркивать пункт «50. Лобстеры» из списка, после того как соответствующий страх был побежден. Вместо этого парень оторвал полоску бумаги с ним, сунул в рот, разжевал и проглотил.

– Ты передумаешь. Как только увидишь ролик, обязательно передумаешь.

Смерть не пришел за ними на пляже, не пришел, когда они возвращались на мопеде Джоны домой, и даже потом, когда они избежали пищевого отравления от просроченного соуса с лобстерами.

В представлении Эстер причина крылась в следующем: просто Смерть большую часть дня был занят из-за взорвавшейся в машине бомбы в Дамаске и особо упрямой вдовы, которая отказывалась покидать свою смертную оболочку. Его темная мантия, будто смола, окутывала скелет, бесшумно ступавший по больничному коридору отделения паллиативной помощи. Высотой восемь футов, в одной руке – коса, на плече – ворон; его тьма растекалась в стороны, заполняя собой все пространство от пола до потолка, хотя проходящие мимо медсестры и посетители ничего не видели.

Беловолосая женщина, теперь больше напоминавшая живой прах, резко проснулась на больничной койке и уставилась широко распахнутыми глазами на нечто невидимое глазу, но осязаемое. Она потянулась рукой к кнопке вызова, но напрасно. Ее время пришло. Жнец стоял в изножье ее кровати, плащ клубился вокруг него, будто он был под водой, хотя воздух оставался безветренным. Женщина простерла руку к Смерти. Потянулась к нему, принимая судьбу, приготовившись ощутить боль... О нет, постойте, вообще-то она показала ему кукиш.

Мрачный Жнец провел возле постели женщины всю ночь, постукивая своими костлявыми пальцами по металлической перекладине койки, временами сверяясь с часами и снова выбивая дробь. Из чтива рядом нашелся лишь дрянной журнал с семейством Кардашьян на обложке. Смерть вздохнул и, взяв его, принялся лениво перелистывать страницы.

Ночь предстояла долгая.

* * *

На следующее утро из сна Эстер вырвал стук во входную дверь (звонок отключили еще много лет назад, в то же время, когда убрали коврик «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ») – от такого звука у всех обитателей ее дома пробежал мороз по коже. Все звуки, наполнявшие воздух несколько секунд назад – пение птиц, шипение масла на сковородке, тихое мурлыканье Юджина себе под нос – смолкли, словно дом перестал дышать. Это была защитная тактика, к какой прибегали животные в лесу во время охоты на них. Оставаться неподвижными. Сохранять молчание. Ждать, пока угроза минует. Подобную стратегию люди обычно применяли с целью избежать общения со стучавшимися в дверь религиозными фанатиками или политическими агитаторами.

Эстер тоже стала частью этой общей тишины. Она неподвижно лежала в кровати, затаив дыхание, пока шаги незваного гостя не сбежали по ступеням и не пересекли засаженную дубами лужайку. Затем послышался звук трогающегося с места мопеда, заглушаемый деревьями и закрытым окном ее спальни. Дом вновь ожил. Юджин пронесся по коридору. Фред закукарекал. Розмари снова включила плиту. Эстер представила, как ее мать выбирается из того места, где любила прятаться, – из подпола под раковиной, который она

расчистила после первого просмотра «Комнаты страха».

Кто-то открыл входную дверь. Затем последовал крик Юджина:

– Эстер! Доставка!

Эстер вылезла из кровати и отыскивала брата на кухне. В руке он держал коробку, завернутую в газету. На ней толстым черным маркером была выведена цитата:

«Все, о чем вы мечтаете, находится на другой стороне вашего страха».

Джек Кэнфилд

– Это от Джоны, – догадалась Эстер и, вернувшись в свою комнату, взяла телефон. Она уже знала, что найдет внутри коробки.

ЭСТЕР:

Я не стану смотреть видео.

ДЖОНА:

Почему?

ЭСТЕР:

Потому что я не передумаю.

ДЖОНА:

Передумаешь, детка. Еще как передумаешь.

Эстер не посмотрела видео. Она не передумала.

8

Взломщик шкафов

В то утро Эстер заварила кофе не водой, а энергетиком «Ред Булл».

– Хочу уйти в четвертое измерение, – объяснила она Юджину. Тот скривился, когда она, сидя по-турецки на кухонном полу, сделала глоток своей химозной бурды.

Перед ней на покрывале для пикника лежала гора сладостей, которые она собиралась принести в школу и продать на этой неделе – все, что испекла накануне вечером: дюжина двойных шоколадных брауни, шотландский песочный бисквит с мятой, две дюжины печений, две дюжины батончиков из воздушного риса и один целый карамельный пирог. Каждое лакомство она завернула отдельно и сложила в рюкзак все, что могла унести.

Необъяснимый всплеск подросткового ожирения в конце прошлого года (несмотря на изменения в питании столовой) привел к тому, что среди учителей поползли слухи, будто Брауниберг поставляет ученикам сладости. Эстер никак нельзя было попадаться: это означало бы отстранение от занятий, а отстранение – конец ее маленького бизнеса. В прошлом году ей удалось заработать приличную прибыль – пока что этого было недостаточно для поступления в колледж, для побега отсюда, зато на резервный фонд пары тысячи долларов хватало.

Когда новая партия сладостей была уложена, Эстер поднялась к себе и переделалась Элеонорой Рузвельт. На шею – три нитки жемчуга, волосы убраны с лица и заколоты волна-

ми, ноги обтянуты тонкими чулками, практичные коричневые ботинки – под стать военному времени. Эстер нравилось наряжаться сильными женщинами – так она сама чувствовала себя сильной, словно влезала в их шкуру. В первый учебный день ей требовалось выглядеть устрашающе. А кто как не Элеонора Рузвельт лучше справится с боем? (Ну, может, еще Чингисхан, хотя ее задачей было пережить этот день с достоинством, а не изнасиловать и перебить всех учеников, а потом с помощью грубой физической силы захватить их шкафчики, дабы все последующие поколения старшеклассников носили ее ДНК. Поэтому Элеонора казалась ей более безобидным вариантом.)

По дороге в школу Юджин вел себя тише обычного – одним словом, не разговаривал вообще. Всякий раз, как они останавливались на светофоре, он надавливал большим пальцем на свежий ожог на ладони и при этом никогда не морщился от боли. Иногда он ускользал в тень, притаившуюся в его голове, куда не мог проникнуть даже самый яркий луч. Эстер не знала, как ему помочь, поэтому просто держала руку на его предплечье, пока он вел машину, в надежде, что этого будет достаточно, дабы показать ему свою любовь.

По пути они заехали за Хеф; девочка выплыла из дома и приблизилась к машине – высокая, долговязая и, как всегда, похожая на привидение.

«Как прошло твое приключение с Джоной?» – жестами спросила она.

– Я больше не боюсь лобстеров, – ответила Эстер.

Хефциба округлила глаза.

«Сработало? С ума сойти!»

– Не слишком обольщайся. Я больше на это не пойду.

«Почему?»

– Потому что испытывать судьбу – слишком опасно.

Хефциба наградила ее неодобрительным взглядом, но Эстер отвернулась прежде, чем подруга успела спросить что-то особенно волнующее и воодушевляющее об ее встрече со страхами.

Как только Юджин свернул на знакомые улицы, неумолимо приближавшие их к школе, Эстер начала потеть. Так бывало всегда, каждый учебный день. Сначала пот, потом волнение, бухающее сердце и рука, которая сжимает горло и заглушает слова еще до того, как они сорвутся с губ. Эстер представила себя такой, какой видели ее одноклассники: уродливой, неполноценной и непозволительно странной. Непричесанные рыжие волосы спадают непокорными кудрями ниже бедер – с такой длиной она чувствовала себя в безопасности, а потому очень боялась их отрезать. Кожа усыпана веснушками: не теми симпатичными крапинками на щеках, как у других людей, а темными большими пятнами, придававшими ей нездоровый вид. Сшитая вручную одежда с кривыми, неидеальными стежками, как она сама.

В попытке успокоиться Эстер развернула записку, написанную для нее Розмари, и принялась ее читать. Она писала

одну и ту же записку в начале каждого учебного года.

«Для сведения заинтересованных лиц,

Просьба освободить Эстер от участия во всех классных обсуждениях, презентациях и спортивных мероприятиях. Просьба не вызывать ее и не выделять на уроке, не читать ее работу перед всем классом и в целом не пытаться каким-либо образом признать ее существование.

*С наилучшими пожеланиями,
Розмари Солар»*

Эстер, крепко сжав записку в руке, сделала глубокий вдох. Еще один год посторонних взглядов. Еще один год насмешек. Еще один год отчаянных попыток затеряться.

Добравшись до школы, она первым делом перед началом урока подошла к своему шкафчику. Собиралась выложить туда всю выпечку, чтобы потом целый день не расхаживать по школе преступницей, благоухающей ароматами ванили.

– Вот ты хитрый мерзавец, – пробормотала она, открыв дверцу.

Внутри ее надежно запиравшегося шкафчика, ровно посередине, лежал одинокий рулетик малиновой пастилы.

9

Ужасная тайна Дэвида Блейна

Остаток недели прошел следующим образом. Во вторник Эстер повесила на свой шкафчик второй замок в дополнение к первому – на этот раз цифровой, чтобы Джона не мог его взломать. Днем она обнаружила внутри еще три рулетика пастилы, а также бабушкин украденный браслет. Замки при этом выглядели нетронутыми.

В среду: свой читательский билет, экземпляр «Ромео и Джульетты» из той же библиотеки (теперь на обложке вместо людей красовались два лобстера в нарядах елизаветинской эпохи) и семь рулетиков фруктовой пастилы.

В четверг: Юджин помог Эстер укрепить ее шкафчик очень прочными магнитами и новым замком. К тому времени молва о Джоне Смоллвуде, бесспорно искусном воре, разлетелась по всей школе, и после уроков возле ее шкафчика собралась небольшая группа ребят, желавших посмотреть, сумел ли Джона вскрыть его сегодня. Эстер терпеть не могла, когда за ней наблюдали, но вдруг осознала: все эти люди пришли не ради нее – они хотели увидеть магическое представление. Внутри шкафчика обнаружилась дюжина рулетиков пастилы и пятьдесят пять долларов в конверте.

– А этот парень хорош, – восхитилась Дейзи Эйзен.

– Здесь чувствуется влияние Дэвида Блейна²¹, – серьезно заключил Юджин. Близнецы были твердо уверены, что Блейн способен творить настоящую магию.

– Возможно, – с усмешкой согласилась Эстер.

²¹ Дэвид Блейн – американский иллюзионист.

В пятницу: как хорошо, что она переложила все свои нелегальные запасы выпечки, потому что сегодня на процесс отпирания шкафчика пришли посмотреть даже некоторые из учителей. Утром Эстер специально во избежание взлома заклеила дверцу изолентой. Шкафчик по-прежнему выглядел нетронутым, но стоило ей разрезать ленту маникюрными ножницами, взятыми взаймы у учителя английского, как на пол сошла небольшая лавина из фруктовой пастилы. Толпа возликовала. Там же, между учебниками по биологии и математике, была втиснута нераспечатанная коробочка, которую Джона привез к ней домой в понедельник утром.

– Уверена, это вполне можно считать домогательством, – сказала она, вытащив коробку, завернутую в газету, с написанной на ней дурацкой вдохновляющей цитатой.

«Только если тебе самой это не нравится», – показала Хефциба.

– Боже мой, Хефциба, ты такая умная! – Ведь ей *на самом деле* это нравилось. Все эти ежедневные трюки Джоны были для Эстер сродни личному магическому представлению.

Спрятав коробку в сумку, Эстер вместе с Юджином и Хеф отправилась домой. По пути она все гадала, не посыпал ли кто Джону в детстве какой-нибудь волшебной пылью.

* * *

Как только Эстер оказалась в своей комнате, она сразу же

бросилась ему писать.

ЭСТЕР:

Ты вломился ко мне в дом?

ДЖОНА:

Нет! Твоя мама принесла мне коробку из твоей комнаты. Сам я никуда не проникал.

ЭСТЕР:

Как ты догадался, что я еще не открывала ее и заодно решила больше никогда с тобой не видеться?

ДЖОНА:

Потому что иначе ты бы написала мне: «Встречаемся в воскресенье».

ЭСТЕР:

Как самонадеянно.

ДЖОНА:

Открой коробку.

ЭСТЕР:

Надеюсь, там не отрезанная голова Гвинет Пэлтроу.

Эстер развернула газету. Внутри оказалась коробка, а в ней – флешка.

ЭСТЕР:

Хочешь запустить вирус в мой ноутбук?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.